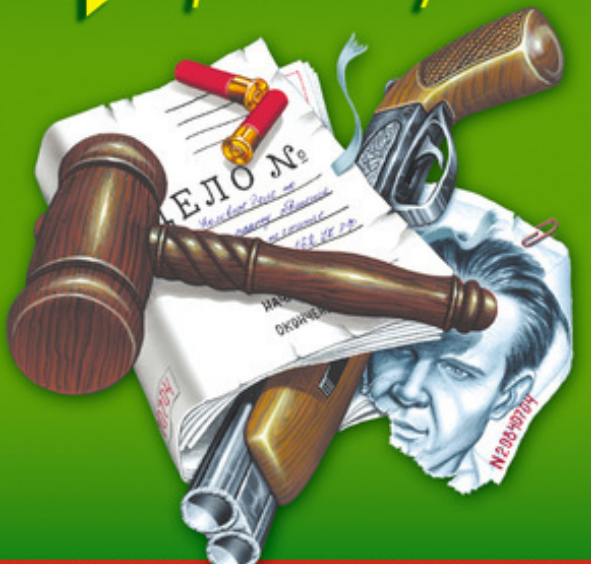
Вячеслав
ДЕНИСОВ

Топор правосудия



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Юрьевич Денисов

Топор правосудия

Серия «Судья Струге»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245752
Топор правосудия: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-03365-3

Аннотация

Кость поперек горла – вот кто такой районный судья Антон Струге. И не только подсудимым, но и начальству: взяток не берет и другим не позволяет. Зато теперь у представителя облсуда Лукина на руках хороший козырь. У Антона пропало уголовное дело – плод кропотливой работы следователей. Вот и повод избавиться от строптивого судьи. Дело надо срочно найти. Но тут как в сказке: налево пойдешь – голову потеряешь… Направо и прямо – то же самое. Думай, судья, решай…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 16
Глава 2 38
Глава 3 53
Глава 4 75
Глава 5 94
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Вячеслав Денисов
Топор правосудия

Все события, герои и персонажи в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Пролог

Я хочу рассказать вам одну историю, которая случилась с моим старым знакомым, Антоном Струге. Я сознательно не называю его другом, потому что Антон Павлович человек определенных понятий и правил. Друг, в его представлении, у человека может быть лишь один. Все остальные – хорошие знакомые. Пусть так. Я не претендую на роль истинного, в понимании Антона, друга и не собираюсь низвергать с этого места Вадима Пащенко, моего начальника. Я просто рад тому, что со мной общается такой странный, но очень порядочный человек, как судья Струге. Я, Пащенко и Струге выросли в одном дворе, вместе учились на юрфаке нашего института и вместе же работали в транспортной прокуратуре следаками. Потом наши дороги разошлись. Вадим стал прокурором, я поднялся на ступень выше и стал «важняком» – старшим следователем по особо важным делам, а Антон и

вовсе ушел из прокуратуры.

Для меня не стала большим открытием новость о том, что он стал судьей. Все к этому и шло. В суд людей приводят различные обстоятельства. Струге туда привели природная душевная чистоплотность и стремление к истине.

Вся жизнь Антона проходит перед моими глазами. Она загадочна для многих и почти для всех недоступна. Когда Струге трудно, он, следуя своим понятиям о дружбе, зовет на помощь Пащенко. Но следующим, кого эти двое зовут в трудную минуту, являюсь я. Так произошло и на этот раз.

Я не силен в написании романов и совершенно не имею литературных навыков изложения своих мыслей. Для меня всегда было проблемой придать протоколу допроса или обвинительному заключению лаконичный и упорядоченный характер. Поэтому мой текст в этом романе лишь тот, который вы читаете сейчас. Сама же история – дело рук Смышляева.

В середине апреля 2003 года – спустя две недели после описанных ниже событий – я встретился со старым знакомым, Серегой Смышляевым. Мой одноклассник работает журналистом в «Вечерке» и иногда, для поддержания штанов, печатает в журналах короткие и интересные детективы. Я не большой знаток литературы, но те десять страниц, что я ежедневно прочитываю в журнале «Заря Тернова», приводят меня в восторг.

Конечно, такую работу можно было бы поручить более

известному писателю, но я никого из них не знаю лично. А никто из них знакомиться со мной сам почему-то не рвется. И потом, никого из них не удастся впоследствии кинуть так, как я планировал кинуть Смышляева. Так вот, в один из вечеров, когда я был у Сереги дома, я рассказал ему эту историю. Уже на следующий день, как следует выспавшись, Сергей позвонил мне на работу и попросил рассказать ее еще раз, ибо тема его заинтересовала, но подробностей он не помнил.

– Пермяков, – сказал он сипящим от возбуждения голосом, – тема горячая, настоящая!

Подумав для приличия два дня, я согласился. Однако запретил Смышляеву вести черновики и приставать с расспросами к действующим лицам.

– Иначе зубы вышибу, – предупредил я, придавая ситуации ореол секретности.

Господи, какие журналисты доверчивые люди…

Два месяца я рассказывал Смышляеву о всех подробностях поимки Перца, отвечал на самые безбожные и глупые вопросы нудного журналиста и уже подумывал о том, чтобы прекратить эту, показавшуюся в начале интересной, затею. Однако Смышляев меня доканал. Он не давал мне покоя ни днем ни ночью. И наконец свершилось.

Я ничего не понимаю в тонкостях литературного искусства и не могу судить, насколько правы писатели, выстраивая перед читателями баррикаду из собственных мыслей. Им

виднее. Однако все, о чем написал наш терновский журналист, – истинная правда.

Итак, я кладу ручку, а с этого момента к повествованию приступает мой одноклассник. Собственно, это я заканчиваю пристраивать свой монолог к уже написанному. Иначе Смышляев ни за что не купился бы на мою уловку.

Среда – день, когда все может случиться. Так, во всяком случае, считают фаталисты. Судья федерального Советского районного суда города Тернова Антон Павлович Струге фаталистом не был. К поворотам судьбы и народным приметам, равно как и к прогнозам синоптиков, он относился более чем сдержанно. Собака старательно вываливается на дороге? Для многих это было признаком наступающей непогоды. Струге же убеждался в том, что собака нашла на дороге дохлого воробья и теперь переносит чудесный аромат разлагающейся птицы на свое лохматое тело.

В июне тысяча девятьсот девяносто девятого года, в среду, Струге был назначен на должность судьи. В среду же женился. И именно в среду развелся. В среду ему присвоили первый классный, судейский чин. И в среду же – пять лет назад – он едва не остался без работы. Председатель областного суда Терновской области, стремившийся выбить из седла, читай – судейского кресла – непокорного судью, получил самый реальный шанс. Когда судью не удается отправить в отставку законным способом, некоторые деятельные председа-

тели мгновенно вспоминают о тысяче других способов, противоядия от которых в арсенале районных судей просто нет. Это и консультация граждан на предмет написания жалоб в вышестоящую инстанцию, в результате чего создается обстановка, демонстрирующая качество работы того или иного судьи; это и постановка вопроса об изменении того или иного решения служителя Фемиды. Или, на худой конец, выматывание нервов необоснованными придирками. Есть еще откровенная подстава, носящая характер уголовной подлости и попахивающая тем самым воробьем, удачно найденным собакой. Никому даже в голову не придет, что председателю суда просто захотелось поваляться на непрогибаемом судье. Получить кайф, не имеющий к плохой погоде совершенно никакого отношения. Все с серьезным видом слушают на коллегиях о проступках судьи и принимают решения о недопущении в дальнейшем подобных фактов.

В одну из таких сред – в августе девяносто восьмого – председатель Терновского областного суда Лукин Игорь Матвеевич, почувствовав неподалеку знакомый, приятный запашок, устремился туда, откуда он исходил. А источником возникновения этого чудодейственного аромата был не кто иной, как председатель районного суда Заруцкий Николай Сергеевич. Справедливости ради надо заметить, что этот господин ровно через четыре года потерял свою должность. Это было вполне объяснимо, так как сей чиновник был приближен к председателю областного суда на расстояние по-

целуя. Все, кого Игорь Матвеевич метил подобной процедурой, в скором времени оказывались за бортом действительности. Потом они еще долго пытались понять, что же такое на самом деле с ними произошло. А ничего страшного. Просто они поверили в искренность чувств главного вершителя правосудия области Лукина и не сопротивлялись, когда тот, вытянув трубочкой губы, притягивал их к себе. Судьба «любимчиков» Лукина была с того момента предрешена.

Но это было давно – пять лет назад, – и события, описываемые в этой книге, не имеют к той истории никакого отношения, однако именно в тот день – в среду – Струге, еще не до конца убежденный в двусмысленности «ласк» самого главного судьи области, едва не попал впросак. Сейчас-то можно спокойно говорить о том, что все закончилось для Антона Павловича благополучно. А тогда так не казалось…

Если вы работаете судьей, то рано или поздно к вам подойдет один из старых знакомых – бывший однокашник, бывший сосед, бывший спортсмен, с которым вы когда-то делили ринг – и обязательно обратится с просьбой, надеясь на старую дружбу и вашу порядочность. И вы даже не будете догадываться о том, что этот старый знакомый играет самую неблагоприятную для вас роль в начавшемся «спектакле».

– Антон, – сказал, появившись в кабинете Струге, мужчина, уже три года игравший с Антоном Павловичем в одной любительской футбольной команде, – я хочу рассказать тебе одну страшную историю.

– Только побыстрее, – попросил Струге, попутно расспрашивая о дне следующей игры. – У меня сегодня неприемный день, зато море процессов.

– Твои процессы подождут, – уверенно произнес посетитель. – Поверь, старик, подождут. Меня «загнали».

Его действительно загнали. Хавбек любительской городской футбольной команды Фурцев торговал на рынке подержанными автомобилями. Когда-то давно он, как Антон Павлович, окончил юрфак, а потом, не найдя себе должного применения в области права, нашел свое счастье в коммерции. С машинами дело шло гладко. Коллеги Фурцева покупали в Германии и Польше подержанные авто и переправляли их в Россию. Машины расходились со скоростью света, все гарантировало процветание и счастливую, не отягощенную проблемами, жизнь.

Все было благополучно до того самого момента, пока вездесущие сотрудники из отдела по розыску угнанных автомобилей за короткий срок – два месяца – не установили, что добрая половина «Ауди» и «Мерседесов», перегоняемых на территорию России и водворяемых на стоянку Фурцева, числятся в Германии как находящиеся в угоне. Если кто-то думает, что хитрые и предприимчивые люди живут лишь на территории бывшего СССР, тот страдает иллюзорным восприятием действительности. Преступных гениев хватает в любой точке мира. Понимая, с кем имеют дело, германские товарищи проявили чудеса находчивости. Каждый автомо-

биль на Западе застрахован, это не секрет. Секрет в том, как за машину, которую уже пора везти на свалку, получить двойную цену. А делается это так: автомобиль продается на территории Германии русским лохам, после чего он заявляется в розыск как угнанный. Владелец подержанного авто получает деньги от русского перегонщика плюс некоторую сумму в качестве страховки от Рейха. Спустя месяц, полгода, год – кому как повезет – уже пятый или шестой хозяин доживающей свой век «Ауди» узнает, что его автомобиль находится в угоне за Интерполом. Оказывается, что «Ауди», бороздящая неровные дороги Тернова, угнана от пятого дома Вильгельмштрассе в городе Росток.

Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, куда приведут концы в разматывании этого клубка. Нет, не в Росток к предприимчивому Гансу. К предприимчивому Фурцеву. Когда число таких машин перевалило за сотню, Фурцеву, вызванному в ГУВД, подробно объяснили, что он не кто иной, как лидер организованного международного преступного сообщества. Надо сказать, что присвоение этого авторитетного звания Фурцева слегка смутило и расстроило. Он хорошо знал закон и понимал, какого размера «членские взносы» ему придется заплатить, став тем, кем его обозвали в ГУВД.

Его «мяли» около двух месяцев. Страх не позволял Фурцеву мыслить рационально, а потому он был не в состоянии понять одну простую вещь. Чтобы доказать его вину, нужно

очень хорошо потрудиться. А при наличии свидетелей в Германии все это дело не стоит и выеденного яйца. И он «поплыл». Когда же уже сами сыщики и следователи стали понимать, что многотомное дело, на сшивание которого ушло два мотка ниток, разваливается, они взялись за поиски путей, при отходе по которым сохраняется и честь мундира, и эхо «раскрытого» дела.

Помочь им в этом вызвался председатель Терновского областного суда Лукин Игорь Матвеевич. Дело об угонах обещали замять – уж слишком хороший парень Фурцев, жалко его наказывать. Но и Фурцев должен проявить хотя бы каплю понимания к людям, борящимся в стране с преступностью. «Козлом отпущения» был выбран доселе непрогибаемый судья Центрального районного суда Струге. Ментам, по большому счету, было уже все равно, на кого вешать собак и как использовать Фурцева. Иначе будет до слез стыдно смотреть на эти восемь томов беспонтового уголовного дела.

– Антон, я должен попросить тебя развести меня с моей женой. Я должен уверить тебя в том, что она на развод согласна и не имеет ничего против того, чтобы ты рассмотрел это дело в ее отсутствии. Я даже должен передать тебе вот эту бумагу… – На столе Струге появился исписанный лист. – Она написала, что на развод согласна, имущество разделено, претензий по алиментам не имеет. На самом деле это заявление писала не она. Ты понимаешь, о чем идет речь?

– Лукин? – тихо спросил Антон, рассматривая собствен-

ный ежедневник.

– Антон… Я не знаю, что делать. Я сукой быть не хочу, но и садиться не хочу.

И он рассказал Струге о своих злоключениях.

– Жена, конечно, ни ухом ни рылом?

– Да ты что! – Она на моих алиментах живет припеваючи и ждет не дождется удобного момента, чтобы мое дело к рукам прибрать! У нас ведь брачный договор, по которому она получает в свое распоряжение квартиру, а я – доходы от бизнеса! Я сяду – бизнес ее.

О законности этого договора Струге мог еще поспорить, однако его мысли работали совершенно в другом направлении.

– Пиши заявление о разводе, давай «заяву» суженой и иди с богом.

– Да ты что, Антон?!! – ужаснулся Фурцев. – Не нужно ради меня такие жертвы делать!..

– Иди, говорю, с богом, – настоял Струге. – «Кураторам» скажешь, что заявление я у тебя принял, просил за решением зайти через… Когда они сказали, дело твое прекратят?

– Через неделю, – смутившись, ответил Фурцев.

– Скажешь им, что через неделю я и велел тебе прийти за решением суда.

Уверившись в агентурных и провокационных возможностях Фурцева, дело «кураторы» действительно прекратили. Лукин ожидал того дня, когда в руках Фурцева появится ре-

шение судьи Струге о его разводе и подготавливал к атаке на облсуд его жену. Это решение должно стать приговором для упрямого Антона Павловича.

Действительно, прошла неделя, и в кабинете Лукина появилась довольная Фурцева.

– Он вынес решение. Мне когда жалобу в квалификационную коллегию писать?

Воодушевленный Игорь Матвеевич принял из рук неверной супруги автобизнеса лист бумаги и водрузил на переносицу очки.

«Именем Российской Федерации. Я, помазанник божий Струге, волею своей и наделенными мне полномочиями отлучаю Фурцева Якова Ивановича от стола и ложа». Далее значились число и подпись.

Лукин сглотнул слюну.

– Вы где это взяли? – стараясь казаться спокойным, спросил он.

– Как где? – удивилась, почувствовав неладное, женщина. – Фурцев из суда принес.

– А-а-а… – понимающе протянул Лукин и набрал номер канцелярии по гражданским делам Центрального суда.

– Это Лукин. Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, каким числом зарегистрировано дело по заявлению Фурцева о разводе. Струге рассматривал.

Через несколько минут ему ответили, что никаких дел о разводе по заявлению Фурцева судья Струге не регистриро-

вал и не рассматривал.

Лукин позвонил председателю Центрального суда.

– Заруцкий? Николай Сергеевич, кто мне говорил, что Струге зарегистрировал дело о разводе Фурцева?

– Я говорил, – сознался Заруцкий. – У него регистрационный номер на папке стоял, я видел.

– На какой папке? Он тебе дело под нос подносил?! Гражданское дело о разводе?!! И это при том, что никто не должен был знать, что он самостоятельно взялся регистрировать и рассматривать дело?! А он тебе его показал, и ты не смутился?!

– …Запомни, Фурцев, – поучал Струге футбольного коллегу, натягивая на стадионе гетры. – Нет регистрации – нет дела. А дела нет – нет и события. В одних случаях за отсутствие такового наизнанку выворачивают, а в других отвязываются. Понял, отлученный от ложа и стола?

Глава 1

Утро наступившего нового дня не предвещало никаких сюрпризов.

Среда – день, когда все может случиться – началась с обычной процедуры совещания у председателя суда Николаева Виктора Аркадьевича. Тема, стоящая на повестке дня, была не нова – качество работы. На втором по значимости месте обычно стояли вопросы терроризма и пожарной безопасности. На прошлой неделе, как пояснил председатель, один из истцов по гражданскому иску, недовольный решением судьи, объявил растолченные таблетки аспирина штаммами сибирской язвы и метнул под государственный герб. Через секунду после того, как мантия судьи приняла белесый оттенок, террорист был схвачен судебными приставами. «Шутки шутками, – говорил председатель, – но качество порошка на лету судье определить трудно. Так что повнимательнее, товарищи». Уже в самом конце совещания он пожелал всему судейскому корпусу вверенного ему суда успехов в работе и напомнил о том, что выключение источников, потребляющих энергию, долг каждого уходящего домой.

– Да, коллеги, чуть не забыл. – Казалось, Николаев старался выдать максимум информации за минимум времени. – Постарайтесь не пользоваться электроприборами. Электрики, которые ведут нам проводку к компьютерной технике,

жалуются, что у них часто «коротит».

Одним словом, ничего нового сказано не было. За исключением, разумеется, штаммов аспирина. В последнее время участники процессов становятся все более изощренными в методах достижения желаемого результата. В прошлом году одна дама, признанная впоследствии невменяемой, поцеловала взасос судью и объявила, что у нее туберкулез открытой формы. Центральный районный суд таких актов терроризма пока не знал, однако, как предупреждал председатель, «шутки шутками, но…»

Однако уже тогда, когда нужно было расходиться по кабинетам, председатель вдруг взял на себя роль ведущего в утреннем селекторном совещании, которое обычно проводится в милиции, и сообщил, что прошлой ночью совершено нападение на меховой салон. «Снежная Королева» терновского масштаба. Однако ущерб приравнивался к столичному. Помимо пятидесяти норковых шуб, вывезенных из салона, был убит охранник. Застрелен в лицо из обреза охотничьего ружья. Услышав эту новость, судьи зароптали. Во-первых, сам факт случившегося был странен – на дворе март месяц, а склад мехового салона ломится от новых нереализованных шуб. Во-вторых, если каждое судейское совещание превращать в оглашение ежедневной криминальной сводки, то суд превратится в ментовку. Хотя сильно председателя никто не корил. Такое количество норковых шуб для Тернова – это много. Полсотни женщин высокого достатка, жела-

ющих приобрести норковые шубы исключительно законным путем, остались практически раздетыми.

– А я успела купить, – сообщила Струге, выходя из приемной председателя, судья Шагалова. – Хоть и не сезон, зато в кредит и с сорокапроцентной скидкой.

– На этих же условиях будут проданы и похищенные шубы, – разочаровал ее самый авторитетный в суде судья.

– А может быть, и на более выгодных… – продолжал бормотать он, спускаясь на второй этаж.

Федеральный судья Центрального районного суда города Тернова Струге Антон Павлович вернулся из канцелярии с несколькими папками под мышкой. Три уголовных дела, поступившие в суд, были выбраны председателем суда как наиболее сложные и отданы для рассмотрения судье Струге. Так уж повелось, что заработанный с годами неприступный авторитет Антона Павловича продолжал играть с ним злую шутку. Из принципа коммунизма – «от каждого по способностям – каждому по потребностям» – в Центральном суде Тернова, как и в остальных судах матушки-России, выполнялась лишь первая часть.

Вернувшись в кабинет и свалив на стол три дела, два из которых состояли из двух томов и лишь одно – из одного, он обратился к своей новой, но, как он имел уже возможность убедиться, смышленой секретарше Алисе:

– Возьми карандаш и подойди ко мне.

Отмахнув от себя свисающие с потолка провода, над кото-

рыми колдовал электрик, секретарь быстро подошла к судье.

Распахнув еженедельник, Струге определил свободные дни, когда состоятся первые заседания доставленных в кабинет дел, и велел Алисе провести все необходимые мероприятия – от уведомления всех главных действующих лиц очередного процесса до отправления заявки в следственный изолятор на доставку в процесс подсудимого.

– Я не знаю ни фамилий, ни адресов, ни сути дел, – вздохнул Антон Павлович, покосившись на еженедельник. В нем, как в дембельском календаре, не было ни единого свободного «окна». – Так что подготовь эту писанину сама.

«Черт, а ведь нужно побыстрее изучить дела! Николаев вряд ли отпишет мне банальную кражу из овощехранилища. Все лучшее, понятно, мне», – заключил он с некоторым разочарованием. Все лучшее действительно доставалось ему при любом раскладе. Если даже случится форс-мажор в виде сели, смывающей Центральный суд, если даже Терновка выйдет из своих окаменевших берегов и зальет весь район, все «лучшие» дела все равно будут отписаны Антону Павловичу Струге.

– Антон Павлович, а вас Роза Львовна искала, – сказала Алиса.

– А что нужно начальнику канцелярии от Антона Павловича?

– Она мне не сказала, – по-детски обиженно, сложив губы, ответила секретарь.

Да, она еще слишком молода и не заслужила того, чтобы ей докладывали даже самые банальные вещи. Буквально две недели назад от Антона ушла секретарь, с которой он проработал с первого дня, как получил должность судьи. Алла была тем человеком, которому не нужно было ничего объяснять или рассказывать. Весь секретарский объем работ и даже незначительную часть «хлеба» Струге она отрабатывала честно и беззаветно за подозрительную по нынешним меркам заработную плату – пятьдесят долларов в месяц. Раньше должность секретарей замещали лишь те девчонки, которые учились на юрфаке, видели сны, где они в судейских мантиях, и вырабатывали те самые необходимые пять лет юридического стажа, что необходимы для выдвижения себя в качестве кандидата на должность судьи. Никакая другая причина не могла заставить молодых смышленых девчонок трудиться за полсотни баксов в месяц. Приблизительно такие же деньги получают «пленные» вьетнамцы, загнанные в долги терновскими бандитами и шелушащие рис в подвалах, где их держат на цепях.

Теперь все изменится, и изменится не к лучшему. Когда Алиса окончит свой юрфак, где она числится заочницей, эти пять лет в Центральном суде ей не зачтутся. Закон запретил. Раньше не запрещал, а сейчас запретил. По всей видимости, бывших секретарей, желающих стать слугами Фемиды, в резерве судебного департамента столько, что суды обеспечены кадрами лет на двести вперед.

Так что же здесь делает Алиса? За месяц совместной работы Струге пока сделал лишь один вывод: девчушка учится и набирается не юридического стажа, а опыта работы. Впрочем, это не он догадался, а она сама ему сказала. Значит, Антон Павлович опять видит перед собой молодую женщину, мечтающую стать судьей. Ничего, буквально через полгода станет понятно – не испарилось ли ее желание надеть лет через десять мантию. Струге готов был поклясться, что испарится. Алла вот тоже поначалу коготки точила, но окончила вуз, осталась рядом с Антоном. И если бы не случилось той трагедии, что разлучила авторитетного судью с девушкой, может, до сих пор сидела за соседним со Струге столом. Но Алла ушла. Но ушла не в суд, куда стремилась в самом начале своей секретарской карьеры, а в прокуратуру. Теперь можно было понаблюдать за Алисой.

«И понаблюдаем, – заключил Струге, поднимаясь из-за своего стола. – Жаль, пари не с кем заключить. Поставил бы сто к одному, что уже через год будет искать себе новое место. За полсотни долларов-то осанку портить…»

Ну что ж, если Роза Львовна ищет, значит, нужно сделать так, чтобы нашла. Роза Львовна по кабинетам судей от нечего делать не ходит.

– Алиса, просмотри дела и подготовь бумажки к отправке, – повторил на всякий случай Антон. Секретарь молода и загадочна. Одному богу известно, сколько раз ей нужно повторять одно и то же. Пока Антон решил повторять по два

раза. – И положи их к себе в сейф. Я схожу в канцелярию, потом сам определюсь.

«Ничего, – подумал Струге, – с Аллой тоже пришлось повозиться. Лучше в течение двух недель тридцать восемь раз подряд побыть попугаем».

Антон Павлович вошел в «цветник», как он называл канцелярию, ровно в половине десятого. Собственно, «цветником» он называл маленький женский мирок лишь из желания сделать приятное трем работающим там женщинам, чей возраст давно перевалил за сорок. Что касается Розы Львовны, то ее пятидесятилетний юбилей праздновался осенью позапрошлого года. Так что если объемное помещение, пахнущее миллионом перелистанных наслюнявленными пальцами страниц, и можно было назвать «цветником», то цветником слегка повядшим. Сотни уголовных дел, штабелированных в особом, известном лишь сотрудницам этого отдела, порядке, размещались по всему периметру помещения. Тут царил порядок и, естественно, каждая из трех «роз» считала свою должность наиглавнейшей в суде. В чем-то тут смысл присутствовал. Ну какой суд может существовать без канцелярии по уголовным делам? Есть еще канцелярия по делам гражданским, но то царство Струге не интересовало.

– А вот и Антон Павлович! – объявила Роза Львовна. – Легок на помине.

И – эта улыбка, способная соблазнить любого мужчину, если он одногодок Шона Коннери.

– Я не на помине, я во здравии, – попытался отшутиться Антон. – Из достоверных источников мне стало известно, что меня ищет одна из самых привлекательных в суде женщин. Как вы понимаете, дожидаться чуда в бездействии я не счел возможным. Так зачем же понадобился вам, Роза Львовна, такой неблагодарный мужик, как я?

Несмотря на то что формулировка – «одна из самых привлекательных» – однозначно указывала на то, что в своем обаянии Роза Львовна далеко не одинока, она была срублена наповал. В очередной, наверное, уже в двухсотый раз. В адрес Струге полетели комплименты и уверения в том, что он один из самых обаятельных в суде мужчин. Нетрудно было догадаться, что такой комплимент также ровным счетом ничего не стоил.

Когда церемониал расшаркиваний закончился, Антон Павлович узнал причину таких настырных поисков, предпринятых одной из самых занудных дам в Центральном суде. На столе Розы Львовны лежала стопка уголовных дел – высотой с одного из «близнецов» Международного торгового центра, накрененная в сторону, как Пизанская башня.

– Антон Павлович, мы сдаем рассмотренные за квартал дела в архив, – сообщила хозяйка «розария». – Будьте любезны, поставьте автограф на корочках.

– И всего-то? – улыбнулся Струге, скручивая с паркера колпачок. – Шестьдесят семь автографов? Я подарю вам печать со своим факсимиле. К концу следующего квартала.

– И лишите нас возможности видеть вас? – улыбнулась Роза Львовна, с ловкостью штамповщицы подкладывая под судейское перо тяжелые папки. – Нет уж, увольте.

Струге готов был признаться себе, что с души свалился камень. Направляясь в канцелярию, он ожидал услышать известие об отмененных приговорах. Обычно лишь это могло заставить Розу Львовну, чьи габариты не позволяли ей скакать ланью по ступеням суда, сорваться с места и доложить судье, что его ждет неприятность.

Значит, начавшийся день по-прежнему еще никем не испорчен. Это просто удивительно, ибо на совещании и в канцелярии он уже побывал, прошло более часа рабочего времени, а настроение по-домашнему веселое.

На сороковой корочке паркер забастовал. Марка таких перьев не предназначена для резьбы по картону. Пришлось одолжить у Розы Львовны шариковую ручку. Антон стал понимать звезд шоу-бизнеса, которые скрываются от фанов, вооруженных карандашами и бумажками.

– Все? – поинтересовался Антон, откидываясь на спинку стула Розы Львовны. – Или еще какое-нибудь дельце завалялось?

– У нас дельца не заваливаются. – Роза Львовна качнула головой так, что Струге побоялся за ее шейные позвонки. – Это лишь с судьями случается.

– С лохами, а не с судьями, – усмехнулся Струге. Посмотрел на довольное лицо начальника канцелярии и добавил,

уже с нажимом: – С лохами, Роза Львовна.

– С вами, как всегда, не поспоришь, Антон Павлович, – рассмеялась матрона делопроизводства. – Убеждать, как и отписываться, вы умеете. Однако справедливости ради нужно отметить, что вы действительно ничего не теряете. А что касается других судей… Вот, к примеру, Кислицын. Или – Вовиков Михаил Николаевич. Помните, в прошлом году…

Антон был не прочь присесть и предаться воспоминаниям, однако через час начинался процесс, а уверенности в самостоятельности Алисы еще не было. Лучше вернуться в кабинет и еще раз проинструктировать девушку по вопросам составления протокола. В данной ситуации лучше перестараться, чем недоглядеть. Струге, как опытный судья, это знал. Возможно, он это знал лучше, чем кто-либо в Центральном районном суде. Может быть, именно по этой причине председатель спокойно отписывал ему дела, за которые не решился бы сесть никто другой?

Шагая по коридору, Антон посмотрел на часы. С момента его выхода из кабинета прошло двадцать пять минут. В конце судебного коридора появилась знакомая фигура Николаева. Виктор Аркадьевич хлопнул себя по бедру и стал махать рукой. Столь бесцеремонный кинологический жест в свою сторону Антон отнес за счет весьма взволнованного состояния председателя.

– Антон Павлович! – словно подтверждая догадку судьи, по-заговорщически заговорил Николаев. – Зайди. Твоя Али-

са в Стране чудес, поэтому русский язык ловит уже с трудом. Я ее спрашиваю, где Струге, а она мне отвечает, что его нет. Ну Антон Павлович, разве можно так с председателем?

– Научим, – успокоил его Струге. – Где бьет источник вашего стресса? Мой друг привез из Швеции волшебное успокоительное.

– Пусть отошлет его обратно скандинавам. У меня в кабинете такой викинг сейчас сидит, что пилюлями не отделаешься!

– Вы меня пугаете, Виктор Аркадьевич. – Струге насторожился и пошел за председателем. – С самого утра происходят события, тревожащие нервную систему. В семь утра моя собака перебежала перед грузовиком. Хуже для моей собаки приметы нет. Едва пришел на работу, тут же получил три дела. А потом Роза Львовна заставила изрисовать подписями шестьдесят папок. Сейчас вы пытаетесь вогнать мне адреналин в кровь. А еще не прошло и часа…

В приемной Николаев сбросил скорость и заговорил уже совсем тихо:

– У меня в кабинете Балыбин.

– А-а-а…

Вольдемар Андреевич Балыбин трудился президентом одного из филиалов «РОСТЕКа». Для непосвященных – руководителем организации, которая распродает с торгов имущество, изъятое при операциях таможенников в борьбе с контрабандистами. В понятие «имущество» в данном слу-

чае входило все, имеющее материальную форму. «У нас есть все, – любил гордо говаривать Вольдемар Андреевич на нетрезвых раутах высокопоставленных лиц города, – от гондонов до патронов». Контрабандисты времен Верещагина – дети по сравнению с современными врагами таможенных границ страны. Насчет «патронов» Антон уверен не был, но вот то, что брокеры из организации Балыбина в прошлом году за тридцать тысяч рублей продали одному из лидеров преступного мира Тернова Блюбингу вертолет «Ми-2», нечаянно изъятый при транспортировке его из Монголии, было фактом, имевшим место. По странному стечению обстоятельств торги, которые объявлялись открытыми, на самом деле являлись абсолютно закрытыми. Как дверь в туалет Центрального суда. Чтобы в него попасть, нужно, во-первых, быть «своим»; во-вторых, необходимо иметь дубликат ключа. Именно поэтому на торги, периодически устраиваемые терновским филиалом «РОСТЕКа», попадали одни и те же лица. Впрочем, наверное, был и фактор случайности. Взять, к примеру, родственников Балыбина. Ни один из них не участвовал в торгах дважды подряд. Не упрекнешь Вольдемара Андреевича! Да и в чем обвинять? В том, что его брат, племяш, жена брата, жена племяша, жена самого Балыбина приобрели по паре конфискованных машин? Смешно.

А от стартовых цен, определяемых «РОСТЕКом», вообще обхохотаться можно. «Мерседес» класса «S» – сорок пять тысяч рублей, «Volvo» – сорок две… Нормальная цена, ес-

ли учесть, что машинам лишь месяц назад исполнилось по полгода жизни. И таких продано уже… Струге считал чужие деньги лишь тогда, когда нужно было определить материальный ущерб и последующий за этим ущерб моральный. Поэтому информация, которая к нему, как к бывшему следователю прокуратуры, стекалась со всех сторон, эмоций не вызывала. Да кто у нас не ворует?!

Делегация, состоящая из председателя суда и Струге, степенно вошла в кабинет. Там сидел, нахохлившись, как тетерев на току, Балыбин. Он даже не встал, увидев самых значимых в Центральном районном суде людей. Лишь склонил на бок голову, рассматривая того, от кого теперь придется ожидать услуг. Объектом его внимания оказался, конечно, Струге. Антон Павлович отметил про себя этот факт, пытаясь одновременно подавить в себе неприязнь к этому зажравшемуся снобу, развалившемуся в кабинете председателя суда.

Антон не любил таких людей, но именно с ними ему и приходилось сталкиваться в каждом втором деле. Те уголовные дела, цена иска которых определяется десятком тысяч рублей, – не дела Струге. Бесплатные адвокаты, отрабатывающие номер, да плачущие нищие родители проворовавшегося сынка – это остается без внимания Антона Павловича. Этим в Центральном суде занимаются люди, десять минут назад упомянутые Розой Львовной, – Кислицын и Вовиков. Поле деятельности Струге – многоэпизодные дела с многошеренговым строем подсудимых, политические разборки

оскорбленных друг другом народных избранников, а еще те дела, в которых прямо или косвенно замешаны сами городские бонзы или люди, близкие им по крови. То есть те многотомники, при рассмотрении которых у судьи пропадают аппетит и сон.

«Что день грядущий нам готовит?», – спросил себя утром Струге, когда увидел, как его «немец» по кличке Рольф чудом избежал столкновения с многотонным супер-»МАЗом».

Этот же вопрос он задал себе вторично сейчас, глядя на лоснящиеся щеки торговца чужим товаром.

Струге не было противно видеть плебея в изысканном костюме от Бриони, сшитом, возможно, самим Умберто Анжелони, да в мокасинах от Альберто Гуаролиани. Ему было стыдно за поведение Николаева, который всеми своими действиями изображал человека, готового всеми возможными способами помочь этому борову в мокасинах.

«Заметь, Струге, – обратилось к Антону его второе «я». – Мокасины! Ты бы тоже мог позволить себе сейчас мокасины, если бы тебя возила машина или, на худой конец, на улице не было бы снега. Но ты вынужден ходить в зимних ботинках, потому что, не дай бог тебе заболеть – встанут все твои дела, и тебя начнут иметь так, как бог не имел черепаху!».

– Антон Павлович! – Николаев успел описать радиус вокруг стола и занять свое законное место. – Это господин Балыбин.

«Господин Балыбин» изобразил некое подобие отрывания

своей филейной части от стула и протянул вялую теплую ладошку судье.

– Вольдемар Андреевич, с вашего разрешения.

Бывшему боксеру Струге, здоровающемуся с мужиками так, что слышался хруст пальцев, всегда претили гомосексуальные, едва ощутимые трогания друг друга. Если ты мужик и хочешь, чтобы тебя уважали и тебе доверяли, всегда жми руку и смотри в глаза собеседнику. А этот вялый обмен ладошечным теплом, напоминающий трения носами в полинезийских племенах, лучшее доказательство того, что тебя не видят в упор.

– А я – Струге, – объявил Антон, усаживаясь в кресло и незаметно для присутствующих вытирая полой пиджака руку. – Разрешите вы или нет, но я – Антон Павлович Струге.

За несколько месяцев совместной работы Николаев уже давно понял, в какой момент нужно начинать разговор по существу, пока Струге все не испортил. Вольдемар Андреевич за помощь, оказанную при выполнении скромной просьбы, обещал закончить ремонт на третьем этаже, где, собственно, и размещались кабинеты председателя и Струге, а также подключить компьютерную сеть суда к всемирной «паутине». Похвастаться возможностью пользоваться Интернетом мог далеко не каждый судья в Тернове. Да что там – не каждый! Никто не мог.

Балыбин нетерпеливо поерзал, пытаясь найти своим круглым, как глобус, задом наиболее удобную впадину на офис-

ном кресле. В тот момент, когда он водил плечами, из-под отворота его пиджака с золотой заколки Струге подмигнул крошечный бриллиант.

«Если его раздеть, а вещи продать с торгов в «РОСТЕКе», – вдруг пришло Антону в голову, – то на вырученные с аукциона деньги одному судье можно купить квартиру».

– Антон Павлович, – заторопился Виктор Аркадьевич. – Тебе сегодня поступило три дела, одно из которых – по обвинению Цебы Артура Алексеевича и иже с ним по «сто шестьдесят второй». Будь любезен, принеси это дело сюда. Или Алисе скажи, чтобы принесла.

– Я сам. – Антон, предупреждая попытку Николаева снять с телефона трубку, поднялся на ноги. Еще не хватало, чтобы Алиса видела, как ее судья рассматривает дело в кабинете председателя суда в присутствии загадочных персонажей. – Цеба, говорите?

– «Сто шестьдесят вторая»… – бормотал Струге, шагая в свой кабинет. – Интересно, каким образом этот Балыбин надеется договориться с Николаевым за человека, обвиненного в разбое? По делу, которое рассматривать буду я.

Однако если Николаеву нужно прогнать перед ходоком пургу, то почему бы не расстараться? Все-таки – один коллектив, и если председатель просит, то почему не поучаствовать в шоу? Николаев ведь знает, что со Струге договориться нельзя ни при каких обстоятельствах, но всячески изоб-

ражает «понимающего». Раз так, то можно и подыграть.

– Алиса, найди в поступивших сегодня трех делах дело некоего Цебы и отдай мне. – Струге рухнул в кресло и посмотрел на ежедневник. Так и есть – Цеба Артур Алексеевич. Снял трубку, набрал номер дежурной части Центрального РУВД.

– Марков? Привет, Иваныч, это Струге. Ага… Нет, все в порядке. Слушай, Иваныч, «пробей» мне по всем имеющимся каналам гражданина Цебу Артура Алексеевича. Адрес, связи, судимости, административные, машины… Одним словом, все, что сможешь. Когда позвоню? А ты сам позвони. Я весь день на месте буду.

Антон повесил трубку и устремил взгляд в угол, где стоял сейф.

– Проблемы? – Он справился автоматически, на всякий случай, глядя, как девушка углубилась в металлический шкаф уже чуть ли не по пояс.

Через секунду он похолодел. Это случилось сразу же, как только Алиса произнесла мертвым голосом:

– Антон Павлович… Дела нет.

– Что значит – нет? – Струге отпихнул кресло, и оно, возмущенно скрипнув колесиками, поехало в угол. – Что это за фраза такая – «нет дела»?

– Я все перерыла. – Голос Алисы дрожал, как при последнем слове.

– А не нужно рыть, Алиса! Нужно искать. – Антон подо-

шел к ее столу и стал производить в нем квалифицированный обыск. – А где остальные дела, которые я принес и отдал тебе?

– Вот они! – Девушка протянула судье пачку дел. – Два – тут, а третьего, этого Цебы, нет. Антон Павлович, я его никуда…

– Значит, так, – отрезал Антон. – Сейчас закрываешься и ищешь дело. Пока я сам, своим ключом, дверь не открою, сидишь тут тихо, ищешь дело и не поднимаешь с телефона трубку.

Он вышел, закрыл снаружи дверь и вернулся в приемную.

– Алиса куда-то исчезла, а я ключи на столе оставил, – объяснил он свой приход с пустыми руками. – Но зачем дело? В чем проблема?

С галстука президента филиала «РОСТЕКа» Антону опять подмигнул алмаз. Теперь уже дважды. Замялся и Виктор Аркадьевич.

– Понимаете, Антон Павлович, Цеба… Артур, обвиняемый, он сын брата Вольдемара Андреевича.

– Племянник, если по-русски. Я понял.

Опять возникла пауза, заполняемая лишь шевелениями грузного тела Балыбина. Бриллиант на его заколке замигал для Струге уже без намеков, совершенно откровенно, как светофор, работающий в дежурном режиме.

– Понимаете, Антон Павлович, – продолжал разъяснять структуру генеалогических древ Николаев, – Цеба приходит-

ся родственником Вольдемару Андреевичу.

– Я же не идиот, Виктор Аркадьевич, – пояснил Антон и потер пальцами мочку уха. – Даже мне, судье, не трудно догадаться, что если Артур Цеба рожден братом Вольдемара Андреевича, значит, Вольдемар Андреевич этому молодому человеку приходится дядей. Поскольку в Вольдемаре Андреевиче течет та же кровь, что и в его брате, то не исключена вероятность того, что в Артуре Цебе есть эритроциты и Вольдемара Андреевича. Кровное родство. Я понял. Я не понял, в чем проблема.

– Там ничего нельзя сделать? – Балыбину надоело слушать этот маразматический бред двух жрецов Фемиды.

«Наконец-то разродился», – отметил про себя Антон Павлович, но вслух спросил:

– Где там?

Балыбин терял терпение, это было очевидно, однако силился хранить спокойствие. Струге же растерянно перевел взгляд на Николаева и заговорил, как отчаянный отморозок:

– А что там делать? Запросы Алиса сейчас пошлет, повестки выпишет. Заявку на доставку из тюрьмы подсудимого я сегодня напишу. Я что-то пропустил?

Выдержав достойную паузу, он пригляделся к окаменевшему Балыбину. Тот сидел, открыв рот и наклонив голову.

– А-а, вон оно что… – протянул Струге и виновато улыбнулся. – Как я сразу-то не догадался! Нужно разрешение на свидание подписать?

Вольдемар Андреевич вперил ястребиный взгляд в Николаева, чем вызвал у того сухое покашливание и зуд. Двое из троих, находящихся в кабинете, очень хорошо понимали, что происходит. Третий же полагал, что его окружают законченные дебилы. Тайм-аут решил взять Виктор Аркадьевич.

– Вольдемар Андреевич, Антон Павлович всего час назад получил это дело. Судье нужно ознакомиться с материалами, сделать кое-какие выводы, проанализировать ситуацию. Давайте не будем торопиться? Ваша позиция мне ясна, я ее потом обязательно доведу до судьи.

– А вот мне ваша позиция не ясна, – бросил Балыбин и, заканчивая разговор, послушно встал со стула.

Встал и Николаев. А Струге, продолжая крутить на столе паркер, расслабленно смотрел то на Балыбина, размышляя, откуда в человеке может быть столько наглости, то на Николаева, теряясь в догадках, почему тот еще десять минут назад не выкинул в окно этого фата. Впрочем, Антон начинал уже догадываться. Если Виктор Аркадьевич так заискивает, значит, незадолго до прихода президента «РОСТЕКа» ему позвонили от председателя областного суда Лукина. Вопрос в «верхах» уже решен и от того, как он будет решаться «внизу», ничего не зависит. Потому так истеричен Балыбин. С Лукиным тема закрыта, а двое придурков, один из которых вообще рядовой судьишка, изображают из себя целок.

Проводив гостя до порога, Николаев закрыл дверь в приемную.

– Странник от Лукина?

– А ты как думал? – покривился Николаев. – Сначала звонок, через полчаса этот кадр явился. Я думаю, Лукин звонил сразу после разговора с этим гиппопотамом. Мы с ним говорили, а гиппопотам уже ехал ко мне.

– Ладно, мне пора. – Антон, вспомнив, что через пять минут начнется процесс, поднялся и застегнул пиджак.

– Ты на самом деле, Антон Павлович, посмотри, что там можно сделать… – не надеясь на успех, пробормотал Виктор Аркадьевич.

– Где там?

– Да ладно ты…

– Ты хоть сам понимаешь, Виктор Аркадьевич, кого ты просишь и о чем?

– Не воспитывай меня, уже поздно. Короче, попросили меня, я тебя попросил.

На пороге Антон улыбнулся.

«Ай, молодца-а-а… Я сделал все, что мог, но вот неуступчивый говнюк Струге уперся рогами. А как я, председатель, могу заставить его принять «нужное» решение? Вы же знаете Струге, Игорь Матвеевич». – Струге был уверен, что именно так рассуждает про себя Николаев.

А что касается Игоря Матвеевича Лукина, тот, конечно, знал, что развернуть Струге в другую сторону не представляется возможным.

Этими разворотами Лукин занимался уже без малого де-

вять лет. Однако отпускать Антона Павловича на вольные хлеба никто все равно не собирался. И при этом никто не был застрахован от неожиданностей. И Струге – в первую очередь. По этой причине он и рассматривал лишь те дела, над рассмотрением которых любой другой в одночасье потерял бы карьеру. Лукин испытывал Струге на прочность и ждал того момента, когда Антон ошибется. Слишком уж сложна система, именуемая судебной. За нежелание быть покорным и влиться в «команду» расправа следует незамедлительно.

Собрать стадо из баранов легко. Трудно собрать стадо из кошек.

– Ты нашла дело?

На глазах Алисы слезы. Она стояла в углу кабинета, отвернувшись к стене, и ее плечи тряслись. Антон не видел глаз девушки, но точно знал, что в них – слезы. По всей видимости, тех десяти минут, что Антон провел в кабинете Николаева, ей оказалось достаточно для того, чтобы понять одну страшную вещь: из кабинета федерального судьи пропало уголовное дело.

Глава 2

Теперь это стало очевидно и для самого судьи. Впервые за девять лет работы в суде с Антоном Струге случилось самое страшное из того, что может произойти с честным судьей. Вспомнился последний разговор в канцелярии с Розой Львовной. В народе такое совпадение определяется одним отвратительным, как пенка в кипяченом молоке, словом «накаркал».

Чудес на свете не бывает. Дело было принесено в кабинет и, если его не выносил Струге, должно в нем и оставаться. При одном, конечно, условии: если его не вынесла Алиса.

– Зачем ты выносила дело?

– Я не выносила!.. Антон Павлович, господи, я никуда не выходила с того момента, как вы пришли на работу! Я ни разу не переступила через порог!

Значит, барабашка. Но в паранормальные явления Струге не верил. Переселение душ, хиромантия, фатализм и ожидание прилета инопланетян находились за гранью его восприятия действительности. Каждому явлению есть свое объяснение, а все необъяснимые факты находились вне поля служебной деятельности судьи Струге.

– Сядь и успокойся, – сказал он и, опередив девушку, сел сам и попытался успокоиться. Пока причин для посыпания головы пеплом не было. Папка слишком тяжелая, чтобы ее

могло выдуть сквозняком в открытую форточку, Алиса никуда не выходила – значит, дело в кабинете. Просто нужно его найти. Найти среди десятков других, перекапывая документы даже там, где дела не может оказаться ни при каких обстоятельствах – в сейфах № 1, № 2, на книжных полках, в серванте у стены… Только когда этим заниматься, если через несколько минут начнется процесс? И… где эти две клуши?! Народные заседатели, именующие себя в отсутствии Струге «судьями»! Где эти две «судьи»?!

– Где мои заседатели?

– Они готовятся к процессу Кислицына… – продолжая дрожать, пояснила Алиса.

Она была еще слишком неопытна, чтобы спокойно делать такое заявление.

– Что? – осведомился Антон.

– У нас сейчас процесса не будет, потому что адвокат подсудимого болен. Мне телефонограмма пришла…

– Что? – Внутри Антона вскипел вулкан. – Это кто тут определяет, состоится процесс или нет?! Это кто тут определяет, в какой процесс садиться моим заседателям, а в какой – нет?! Ну-ка быстро этих двоих сюда!! Быстро, секретарь!!!

Вместе с заседателями явился Кислицын.

– Антон Павлович, – растерянно пробормотал он, – у тебя все равно процесс не пойдет, а у меня заседателей нет…

Молчаливый взгляд Струге выдавил Кислицына за порог.

– А мы думали… – словно Маврикиевна с Никитичной, в

голос запели старушки.

– Я склоняю голову перед вами. Если вы еще способны анализировать ситуацию, значит, не все потеряно. – Антон хотел быть спокойным, и у него это получалось. Это был не тот случай, когда нужно было быть корректным с женщинами. Две старушенции возложили на себя функции, которыми они не наделены изначально, послали подальше судью, за которым закреплены, и пошли зарабатывать «трудочасы» к другому судье. – Ваши действия я расцениваю однозначно. С судьей Кислицыным вам работается лучше. Очевидно, он чаще прислушивается к вашим особым мнениям, потому как я это делаю гораздо реже. Да что там – я вообще к вам не прислушиваюсь. А знаете, почему я так поступаю? Потому что я – мужик в расцвете сил, с высшим образованием и опытом работы в суде! Именно поэтому я очень хорошо соображаю, что делаю. При этом я ни разу не поставил вас в глупое положение. Однако это же самое обстоятельство дало вам право самостоятельно выбирать судью, процесс и принимать решения там, где ваше решение ровным счетом ничего не значит! Глупо воспитывать людей, чей возраст перевалил за шестьдесят. И я не стану этого делать. А потому выдвигаю такое предложение – одно ваше слово, и я смогу найти способ убедить председателя, что судье Струге эти два народных заседателя не нужны. Выбор за вами. Простите, если обидел.

Старушки не обиделись. Они испугались. И приняли ре-

шение единогласно и быстро: лучше нету того свету, лучше Струге судей нет.

– И это правильное решение. Вы набираете в свою копилку восемь часов рабочего времени. Если на то, чем вам сейчас придется заняться, времени уйдет гораздо меньше, я вам добавлю еще столько же.

Бабульки стояли в таком недоумении, словно им только что предложили групповой секс. Но Струге их разочаровал.

– В этом кабинете находится дело по обвинению человека с такой же русской, как и у меня, фамилией. Цеба. Вероятность того, что оно найдется сразу, равняется одной миллионной процента. Это означало бы, что вы видите и соображаете лучше меня. А посему – ищите. Кстати, если кто-то из вас предложит оторвать паркет или щупами потыкать в цветочные горшки, против я не буду. Но если кто-то из вас троих, находящихся в этом кабинете, окажется «гэбэшным» стукачком…

После массовой клятвы хранить молчание старатели принялись за поиски. Оставаться не у дел Антон тоже не мог. Если дело в кабинете, то оно найдется. Вероятно, не сразу, но обязательно обнаружится. Но если только в припадке паники Алису посетил провал в памяти… Тогда она могла просто забыть, что ходила пить чай в кабинет к секретарям вместе с делом. Или по какой-то нужде посетила канцелярию. Тогда дело всплывет, как кусок дерьма в проруби, там…

– Девочки, ну-ка пошукайте мне в своем девичнике дело товарища Цебы! Анюта, где вы купили такие чудные сапожки? Если бы это были не сапожки, я бы сказал, что они вам к лицу. Так дела нет? Значит, я его у председателя оставил…

– Роза Львовна, вы выглядите еще лучше, чем я вас видел час назад. Послал к вам Алису с делом, а найти ее не могу. Она уже принесла вам дело?

– Какое дело?

– Ах, эти молодые секретари… Полгода пройдет, пока научатся ходить прямыми маршрутами… Ладно, я все равно верну Алису. Я не расписался в деле. Склероз…

Дела не было. Оно исчезло, как исчезает с первыми лучами солнца утренний речной туман. Как сознание наркомана во время «прихода». Как оставленная на вокзале сумка. Струге даже посетил туалет. Чем черт не шутит? Шла по коридору с делом, а тут как… В общем, нельзя огурцы запивать молоком. Не беда, если забыла. Не так страшно даже, если пара протоколов допросов при этом будут использованы не по назначению…

Однако осмотр этого странного для хранения уголовных дел помещения также ничего не дал. Как пишут в своих бумажных отмазках опера, «в ходе работы информации, представляющей оперативный интерес, не обнаружено».

Струге вернулся в кабинет. Он напоминал бухгалтерию

тридцать первого декабря. В беспорядке разложенные корочки дел. И бумаги, бумаги, бумаги… Всюду – на подоконниках, на сейфах, на столах. Бумаги, не имеющие никакого отношения к разбою племянника президента филиала «РОСТЕКа».

Антон сел за стол и стал растирать лицо руками:

– Алиса, куда ты положила дела после того, как я ушел?

Девушка уже немного успокоилась, но теперь истерику сменил страх за свое будущее. Секретари, как и самураи, своих господ не меняют. В случае их позора они уходят вместе с ними. И теперь, проработав в суде всего месяц, Алиса с горечью осознавала, что тут она больше не останется. Конечно, она не понимала всей серьезности ситуации так, как ее понимал Антон, но чувствовала, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Я их положила в сейф, но не сразу, а лишь после того, как они ушли.

Струге оторвал от лица руки.

– Кто – «они»?

– Семенихин с адвокатом. Они приходили за копией оправдательного приговора.

В пятницу Струге по просьбе адвоката подготовил копию оправданного им Семенихина, подписал и велел Алисе, если адвокат прибудет в его отсутствие, отдать документ. Что та сегодня и сделала.

– Тьфу ты, черт! – Струге схватил со стола толстую папку

и помахал ею в воздухе. – Я, кажется, действительно слепой. Вот оно, злополучное дело! Уважаемые женщины, примите мои извинения за ваши ненужные действия. Сегодня можете отдыхать – вы это заслужили. Все, на сегодня вы свободны, а завтра – не ходите к Кислицыну, а ходите ко мне.

Обрадовавшись столь удачному стечению обстоятельств, старушки быстро удалились.

Едва за заседателями закрылась дверь, Алиса в изнеможении упала на стул.

– Антон Павлович, я до этого в бога не верила… Господи, какое счастье. Все время, пока я рыла бумаги, я молила его о том, чтобы оно нашлось…

– Можешь продолжать молить. – Струге бросил на стол папку с делом, по которому на завтрашний день было назначено заседание. – Можешь продолжать верить и сомневаться одновременно. Да заодно вспоминать, где в момент своего прихода сидели Семенихин со своим адвокатом-кровососом, что говорили и что делали.

Второе известие о пропаже дела Алиса перенесла уже более стойко.

– Это не то дело, да? – тихо спросила она. – Я опять на краю гибели, правда? Антон Павлович, а меня могут посадить за это?

– Только в одном случае, Алиса. Если это ты выкрала дело. Если же ты все-таки в этом признаешься и можно будет что-то исправить, я гарантирую тебе определенную свободу.

Опять эти слезы…

Струге патологически не переносил воду. Ни в делах, ни на лице. Поморщившись, он развел руками.

– Слушай, хватит рыдать! Или, хочешь, вместе поплачем? Сядем, сопли распустим по всей столешнице и завоем, как собаки! Говори, где сидели Семенихин с адвокатом и где в это время находилась ты!

Алиса долго вытирала слезы, хлюпала и тряслась. Алла быстро бы уже распедалила ситуацию и вывела крайнего. Ее преемница же изводила себя страданиями. Наконец Алиса рассказала, что адвокат со своим подзащитным сидели за столом, читали копию приговора, а все три дела покоились на столе, прямо перед ними. Минут через десять они раскланялись и ушли.

– Сумки, кейсы у них в руках были?

– У адвоката какой-то дегенеративный чемоданчик был. А-а-а-а-а…

Больше дело можно было не искать. Если Алиса его не выдала злоумышленникам, что тоже вполне вероятно – она не Алла, чтобы Струге мог за нее поручиться, – то вывод напрашивался один. Дело выкрал либо Семенихин, либо адвокат Желябин. У Антона пробежали по спине мурашки, когда он представил, как семидесятилетний, известный в городе адвокат Моисей Лаврентьевич Желябин, прикусив в азарте язык, воровато оглядываясь на зазевавшегося секретаря суда, ворует со стола судьи Струге уголовное дело. Картина бы-

ла настолько сюрреалистическая, что Антон, чтобы побыстрее прогнать этот бред, мотнул головой. Оставался маленький негодяй Семенихин, на которого глупец следователь не смог накопать доказательств для очередной ходки наркомана в зону. Одну судимость за хранение марихуаны Семенихин уже имел. Сейчас могла бы состояться вторая, но, к сожалению, желание многих милицейских следователей часто не совпадает с их умственными возможностями. А часто бывает очень даже наоборот: умственные способности настоль велики, что следователь умудряется выстроить дело так, что подсудимому нужно не нары стелить в казенном бараке, а вручать медаль «За охрану общественного порядка».

Но на кой черт Семенихину понадобилось дело Цебы?! Продать папку племяннику президента филиала за миллион? «Корейковщиной» попахивает. Это чересчур круто для обкуренного наркомана. Скорее – за тысячу.

Антон встал из-за стола и стал прохаживаться, как тигр в клетке. Алиса, как на теннисном матче, сидела и вертела головой направо-налево.

– Алиса, шея открутится. – Ему вдруг стало нестерпимо жаль эту девчонку. Верить в то, что она могла участвовать в спланированной или, наоборот, спонтанной операции, ему не хотелось. – Наводи порядок. Теперь, надеюсь, ты понимаешь, что такое потерять дело?

– Да…

– Нет, ты не понимаешь. Ты поймешь это, когда об этом

узнает председатель суда. Вот тогда ты все поймешь очень быстро. Когда твоего судью выкинут на улицу, ему будет весело. Ему будет весело, потому что его не привлекут к уголовной ответственности. А если привлекут, тогда ему будет невесело. В любом случае его карьере придет конец. А ты…

Он посмотрел на девушку и осекся. И тут же стал винить себя за откровения. Кому они сейчас нужны? Может статься так, что и урок этот больше никогда не пригодится ни учителю, ни ученице. Просто не будет в этом необходимости.

Перед взором Струге проплывал бриллиантовый дым. Казалось, он проникал в каждый уголок его необъятного кабинета. *Ему чудилась улица, по которой он идет; и люди двигаются навстречу… Шествует парочка; он показывает ей на Струге пальцем: «Видишь, это бывший судья Струге. Я не знаю подробностей, но говорят, что, когда он читал какое-то уголовное дело, чтобы дать пацану пожизненное заключение, братва привела в его кабинет стриптизершу. Она разделась и стала танцевать прямо на столе Струге. А когда он, роняя на столешницу пенную слюну, засовывал ей за трусы купюру, братва увела дело прямо из-под его носа…»*

Позабыв, что находится в одной компании с юной дамой, Антон наклонился и в сердцах сплюнул в урну.

На глазах Алисы происходили странные вещи. Ее предшественница, Алла, уверяла ее, что Антон Павлович – честнейший человек с тончайшими струнами души. Эти струны нужно беречь и не щипать. Иначе она вернется и выщиплет

все струны из души Алисы. Сейчас же девушка сидела на стуле, и ей казалось, что мир перевернулся. В течение одного утра случилось то, что с ее наставницей в суде не случалось многие годы. Потерялось уголовное дело, Антон Павлович отругал двух старух, как прораб – бригаду маляров, и сейчас с отсутствующим взглядом плевал под стол.

– Значит, так…

Услышав это, она вернулась в реальный мир.

– О пропаже дела – никому ни слова. Работать так, как будто ничего не случилось. Если кто-то спросит о деле Цебы, отвечай – оно у Струге. Под этими «кто-то» тебе нужно понимать всех, включая председателя Верховного суда и Генпрокурора. Все – ты в домике. В норке Кролика. В Зазеркалье. Поняла?

Алиса поняла. Не говорить никому правды, какой бы горькой она ни была, а все стрелы переводить на своего единственного сейчас покровителя. Задача проста, как процесс строгания морковки на терке. «А где…?» – «У Струге Антона Павловича». Все. Большего от секретаря-растяпы судья не требовал.

– А… Что мы сейчас будем делать? – спросила Алиса, едва закончив уборку.

– Работать. Что у нас было запланировано после несостоявшегося процесса?.. Кстати, где эта телефонограмма адвоката, которую ты приняла? Еще раз отпустишь заседателей или поступишь подобным образом – уволю. – Антон снова

растер горящее лицо руками. – Да, уволю…

«Господи, – подумала не верящая в помощь всевышнего Алиса, – сделай так, чтобы он меня уволил прямо сейчас…»

Так кто же все-таки страдает клептоманией в особо крупных размерах?

Желябина Антон отбросил из числа подозреваемых сразу, едва опять вспомнил деда, едва передвигающегося на костылях по коридорам суда. Старик был силен умом, но слаб здоровьем. Его не увольняли из коллегии адвокатов на пенсию лишь потому, что он достиг всех высот, какие может достичь юрист, и сохранял в своем, весьма преклонном возрасте здравый рассудок. Он был из тех артистов, которые кончают свои дни на сцене. Понятно, что этот уважаемый человек украсть дело из кабинета судьи не мог ни при каких обстоятельствах. Никого, помимо его и Семенихина, за время отсутствия Струге в кабинете не было. За исключением, разумеется, Алисы.

А потом пропало дело. Самым волшебным образом. Этим волшебником мог оказаться лишь наркоман Семенихин. Но зачем ему воровать чужое дело, если его собственное только что закрылось самым невероятным и счастливым образом? И потом, зачем гадить судье, даровавшем тебе «вольную»? Однако не исключено, что Олежек Семенихин прибыл за копией приговора под сильнейшим «газом». Старик Желябин хоть и здрав рассудком, но определить состояние молодого

наркомана вряд ли в состоянии…

Из потока проносящихся мыслей Антона вырвал телефонный звонок. «Наверное, звонит Николаев, чтобы попросить принести дело Цебы, – первое, что пришло в голову Струге, когда он снимал трубку. – Как правило, все подлости следуют одна за другой с сумасшедшей скоростью…»

Но звонил Марков, дежурный по Центральному РОВД.

– Антон Павлович, записывай. Цеба Артур Алексеевич. Семьдесят пятого года выпуска. Проживает на улице Малая, дом пятнадцать, квартира сорок. Так, что еще?.. Ага, владеет автомобилем «ВАЗ-21083» с государственным номером А444АТ. Судим по «старой» «сто сорок четвертой», часть третья. Три с половиной года «отдыхал» под Соликамском. Ну, вот и все. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Антон попрощался и повесил трубку.

Что из всего этого следует? Что Цеба – бывший вор, которого не исправила даже зона. Впрочем, кого она исправляет? Скажем так – ничему не научила, раз он после тайного хищения прибег к хищению открытому, да еще – с применением насилия, опасного для жизни. Не своей, понятно, жизни – чужой. «Ничего там нельзя сделать»? Конечно, можно. От восьми до пятнадцати с конфискацией имущества.

И «отметется» у Цебы и «восьмерочка» с модным номером, и хата на Малой… Как это «ничего нельзя сделать»? Если следователь поработал на славу, то не только ничего, а

очень много чего можно сделать! Но только если – на славу…

Стоп…

Струге поднял глаза на Алису, которая сидела за столом и строчила какой-то документ. Судья вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. А девушка сидела, писала, время от времени поднося к лицу платок к лицу и вытирая нос…

Она была так мила и наивна с этим вышитым по кайме платочком, что Антон вновь покорил себя за недавнюю грубость. Вряд ли она могла… А раз так, тогда почему он срывает на ней свое зло? Да потому, что именно при ней исчезло дело!

– Алиса, девочка… Ты еще не отнесла в канцелярию дело Семенихина?

– Нет еще. Простите, я не успела, Антон Павлович… С этим кошмаром…

– Ничего, я могу тебя успокоить. Он только начинается. А что дело не отнесла – так это даже хорошо. Значит, ты сейчас без труда мне напомнишь адрес, по которому проживает Олег Александрович Семенихин.

Он хотел только одного – не ошибиться. И он не ошибся.

– Улица Малая, дом пятнадцать. А квартира… Сейчас. – Она склонилась над листом. – Квартира восемь.

Он не ошибся.

Бывший подсудимый, а ныне оправданный Семенихин Олег Александрович проживал с подсудимым Цебой Арту-

ром Алексеевичем в одном доме.

Точнее – в одном подъезде.

Глава 3

Да, это была весна. Дерзкая и беспощадная, она врывалась на улицы города и точила своими ручьями бетонные ограждения тротуаров. Даже ветер, который всего три недели назад насквозь пронизывал одежды, теперь, казалось, лишь поглаживал своими прохладными ладонями кожу лица. Зима ушла.

Струге вырвался на улицу сразу, едва понял причину, по которой уголовное дело могло пропасть из его кабинета таким беспардонным образом. Все заседания на сегодня отменены. Так гласила табличка, которую Алиса вывесила после «бегства» Антона. «В связи с болезнью судьи» – разъясняли слова, каллиграфически выведенные секретарем.

Но Антон не был болен, а бежал он только с целью успеть сделать то, что могло бы предотвратить необратимые последствия. Дорога была каждая секунда. Семенихин спер дело, а этот парень – не желторотый юнец, желающий пошутить. Семенихин – прожженный наркоман, зэк и просто нехороший человек, который понимает, что чем быстрее он избавится от дела, тем меньше шансов попасть за решетку – теперь уже надолго.

Но у Антона был шанс. Если бы дело касалось одного Семенихина, Струге уже никуда бы не торопился. Уголовное дело по обвинению этого чумового наркуши было бы либо

сожжено через десять минут в гаражах сразу после выхода из здания суда, либо съедено целиком – от корки до корки – еще в тот момент, когда его непослушные ноги двигались по лестничным пролетам дворца правосудия. Лучше получить завороток кишок или запор, гарантирующий кесарево сечение, нежели отправиться в «столыпине» на срок, гарантирующий поездку в один конец.

Но сейчас был совершенно иной случай. К украденному делу Семенихин не имел совершенно никакого отношения! Это был лишь шанс «срубить» на халяву денег. Ну какой прожженный каторжанин, которым, если верить Маркову, является Цеба, пожалеет денег на то, чтобы выкупить у какого-то обкуренного охламона личное уголовное дело. Пусть Цеба сейчас в тюрьме – хотя Антон не имел представления о подробностях дела. Пусть! Он, даже находясь в «крытке», легко выкупит документы и уже через пару недель окажется на свободе. Его хохот будет услышан даже папуасами в Новой Гвинее!

Именно по этой причине у Антона сейчас был шанс. Чтобы поменять дело на реальные деньги, нужно время. Обговорить условия, сойтись в цене, причем так, чтобы не продешевить! Они оба прекрасно понимают, каких денег стоит эта папка! За то, чтобы не получить срок от восьми до пятнадцати лет в компании педерастов, туберкулезников, кретинов и дегенератов любой такой же педераст, туберкулезник и дегенерат отдаст все, что имеет. Да, даже дегенерат и

кретин! Третий закон Ньютона не знает никто, а что такое «зона», знает даже умственно отсталый! Этим и отличаются науки реальные от метафизических.

Струге был так погружен в свои мысли, что даже не понял, в какую марку машины сел. Едва Антон выбрался из бурелома размышлений о подлости Семенихина и воспоминаний о его матери, он, наконец, услышал, о чем говорит водитель…

– И вот так возим это говно по городу, возим; и складывается впечатление, что говна в Тернове больше, чем жителей.

«Где я?» – пришел в голову судье уже ставший любопытным вопрос.

Он покачивался на дерматиновом сиденье грузовика – теперь это было очевидно. Очевидным был и запах, бьющий в нос. Первая попавшаяся машина, которую Струге удалось поймать сразу после выхода из суда, оказалась ассенизаторской. Если то, как он в нее садился, видели Роза Львовна или Николаев, вскоре этот факт станет достоянием не только Центрального суда.

«Судья Струге экономит деньги и ездит на говновозках». Никто, конечно, не поверит, но приятного мало. Однако теперь, когда до улицы Малой оставалось чуть больше пяти минут езды, выпрыгивать и искать более пристойный вид транспорта было бы неразумно.

В ответ на предложенную купюру водитель покачал головой и тяжело вздохнул:

– Не, мил человек, ты меня что, совсем за варвара дер-

жишь? Провезти в бочке с дерьмом, да еще денег за это взять? Если бы ты на дорогу не выбежал, я бы и не остановился…

Краснеть Антон не умел с детства, лишь тушевался и молчаливо уходил. Так же поступил и сейчас. Обнюхивая себя, он пересек дорогу и оказался на стороне улицы Малой с нечетными номерами.

Дом пятнадцатый был обыкновенной пятиэтажкой, выстроенной во времена посева кукурузы квадратно-гнездовым способом. Сахар из тростника тогда считался лучше свекольного, а импрессионисты считались пидарасами. Все изменилось с того времени: сегодня лучшим считается тот сахар, который сухой, кукурузу ест только скот, а «Квадрат» Малевича недавно оценили в двадцать пять миллионов долларов. Не изменилось лишь желание воровать, насиловать, грабить и убивать. Когда строили этот дом, то вряд ли предполагали, что через сорок лет только в одном из его подъездов будут жить одновременно наркоман и разбойник.

В квартире номер восемь Струге обнаружил не то, что искал. По площади всей трехкомнатной квартиры были разбросаны, словно стянутые через голову свитера и вывернутые наизнанку брюки, люди. Их разум в данный момент находился очень далеко не только от дома по улице Малой, но и от Солнечной системы. Дверь была открыта, поэтому Антон вошел без труда. В кухне на насквозь пропитанном мочой матрасе лежали двое – он и она. Полураскрытые глаза, отвис-

лые челюсти, разбросанные в стороны конечности. Наркотический «приход» застиг их буквально за несколько минут до прихода судьи. Рядом с телами лежал распущенный резиновый жгут и символ процветающего СПИДа – единственный, на двоих, шприц с остатками крови.

– Черт, сколько ж вам годин-то?! – вырвалось у Антона и он шагнул дальше…

Картины в комнатах мало отличались от увиденного на кухне. Несколько матрасов, вялые тела, шприцы и едкий запах ангидрида. Самый настоящий наркотический притон.

Восемь человек. Судя по их внешнему виду и количеству «свежих» шприцев, Антон мог смело предположить, что увиденное – незаконченная вечеринка, начавшаяся вчера вечером по поводу освобождения одного из лучших людей этого общества. Обмывалось событие героином. Ни намека на хотя бы одну рюмку или бутылку. Впрочем, бутылка была, но только глупец мог предположить, что там находилось спиртное. Там был уксус. Один из ингредиентов приготовления зелья, которое покрепче зеленого змия.

Не хватало только отчаяться! С момента выхода Семенихина из суда прошло два часа! Где может быть этот негодяй? Чувствуя, что теряет время, а вместе с ним и терпение, Струге взял за руку одного из наркоманов – того, кто проявлял наиболее активные признаки жизни, – и потащил к балкону.

Им обоим сделалось чуть лучше, когда оба оказались на свежем воздухе. Струге размахнулся и влепил отроку мощ-

ного леща. Тому это не понравилось. Он скорчил кислую гримасу и снова «повис».

Тогда Антон набрал пригоршню твердого подтаявшего снега и стал яростно тереть лицо наркомана. Уже через несколько мгновений лицо парня, зависшего между небом и землей, приняло свекольный цвет. Первые произносимые им буквы Струге воспринял с таким же восторгом, с каким доктор Борменталь воспринял вопли Шарикова.

– Ну-ка, малахольный, на меня посмотри!.. – хрипел от возбуждения судья. – Глаза раскрой, сученок! Видишь меня?!

– Типа, вижу…

– Типа, видит он!.. Ботва отмороженная! Сколько пальцев?!

– Типа, несколько… – определил наркуша, вглядываясь в торчащий как пень посреди поляны большой палец Струге.

– Вот, ссс… Поколение засранцев! Где Семенихин?! Быстро отвечай, полудурок! Где Семенихин?!

Ответ поступил не от реанимированного, как ожидалось, а сзади. От этого гнусавого фальцета Струге едва не сделалось дурно.

– Ну-у, братва… Че-е-е так кричи-и-им? Мусора-а-а свалятся, че будем дела-а-ать?

Ошалелый Антон оставил в покое непокорного краснолицего и обернулся. Прямо над ним – в проеме балконной двери – стоял еще один мастер перемещений с закрытыми глаза-

ми. Толстый свитер-толстовка с изображением здорового, не склонного к употреблению наркотических средств, исландского оленя, мятые слаксы и один, когда-то белый, а сейчас разноцветный от грязи носок – одеяние, достойное человека, вторые сутки не выходящего из комы.

– Тише, тише… – настоятельно повторила мумия-зомби. – Не создава-а-айте кипешь… Менты не дремлю-ют…

– Господи… – просиял Струге. – Он говорит! Он анализирует…

Антон схватил в охапку наркомана и с ним в руках, как со свернутым ковром, вошел в комнату. Усадив тело на хромой табурет, он прислонил его спиной к стене и повторил вопрос, на котором остановился при разговоре с первым наркоманом.

– Семенихин… Семенихин… Это центровой пацан… Бля, менты посадили.

– А потом отпустили, – доложил Струге. – Он пришел сюда, а потом опять исчез. Куда он исчез?

– Не, не отпустили… – Глаза говорившего так и не открывались. Перед судьей сейчас был шаман ханты, обкуренный трубкой в шалаше вождя манси. – Там судья конченый, Струге… Зинка-червонец, короче… Посадили, короче…

– Где Семениха? – Антон попытался назвать Олега Александровича так, как его могли называть друзья. – Сема где?

– Ты, типа, толпу какую-то тут ищешь, пацан… Их никого здесь сроду не бывало… А вот тебя я узнаю… Хочешь, я

угадаю, как тебя зовут?..

– Город ждет, вафля!! – не выдержал Струге и отвесил лунатику оглушительную оплеуху.

Тот, как тряпочный, мгновенно слетел со стула и шлепнулся на пол. Не ударился, а именно – шлепнулся. Из его носа вылетела сопля и, просвистев по воздуху, улетела куда-то на балкон.

– Тьфу, бля… – не выдержал Антон – его уже давно мучили позывы рвоты. Пошарив повлажневшей рукой в кармане, он извлек непочатую упаковку «дирола», зубами сорвал обертку и высыпал в рот половину содержимого. – Короче… олень северный… я тебя спрашиваю в последний раз. Где Семенихин? Если не ответишь, я вызываю наркологов, и остаток недели ты проведешь в жутчайшем депресняке и ломке. А тебе будут колоть глюкозу, глюкозу, глюкозу, глюкозу, глюкозу…

– Хватит, братан… Остановись, че ты гонишь… Меня сейчас вырвет…

– Глюкозу, урод, и ничего, кроме глюкозы. Где Семенихин?

– Синий с Перцем по делам поехали… Дела…

– Кто такой Перец? Где находятся их дела?

Кажется, наркоман стал понемногу приходить в себя.

– Ты не мусором ли будешь?

– Нет, – честно ответил Струге.

– Поклянись…

– Гадом буду, – заявил Струге и для вящей убедительности добавил: – Век «баяна» не видать.

– А стегаешь как мусор. Больно и без следов…

– Тебе просто повезло. Так кто такой Перец и что за дела?

– Перец на Выставочной живет, в пятом доме. Они туда и поехали. Синий сказал, что покупателя на товар нашел. – Парень пришел в себя и стал водить по Струге мягким, как метелка для пыли, взглядом.

– Героин, что ли?

– Не, барахло. Не знаю с какой делюги, но только его много. Синий хотел микроавтобус заказать, но Перец отговорил – решили сначала посмотреть. Там в трех комнатах шмотья, как в бутике после шмона налоговой полиции. Ширнуться хочешь?

– Не сейчас… – Антон посмотрел на часы.

Время шло, а известий о судьбе дела Цебы по-прежнему не было. Нужно было найти папку, а пока Струге попадались лишь безвольные, растворенные в инъекциях, тела.

Оставив собеседника на полу, Антон еще раз прошел по квартире. Глупо было надеяться на то, что пропавшее уголовное дело будет обнаружено в этом вертепе на видном месте, однако Антон, преодолевая чувство отвращения, бродил и переворачивал податливые тела. В награду получал отборный мат, приглашение лечь рядом, а один из очнувшихся даже попросил подержать на его плече кусок резинового атлетического бинта. Все «товарищи» на мгновение приходили

в себя, а потом снова проваливались в забытье.

В зале один из предметов постоянно приковывал к себе внимание Струге, он даже отрывался от поисков, выпрямлялся, снова и снова бросая взгляд в угол комнаты, где этот предмет и располагался. Когда Антон смотрел на него, он успокаивался и снова приступал к поиску, но его душой одолевала сумятица.

«Елка как елка, – думал судья, – что в этом необычного?»

Лесная красавица, когда-то зеленая, пушистая и нарядная, стояла на какой-то совершенно дикой деревяшке, играющей роль крестовины. Автором этого приспособления для равновесия ели был наверняка кто-то из тех, кто сейчас валялся на полу, как позабытый при переезде мишка. На дереве висели, покрытые пылью, несколько игрушек и три чахлые мишуры. Елка как елка, только очень желтая и почти вся осыпавшаяся. Под крестовиной лежал огромный кусок ваты, ставший местом паломничества всех присутствующих. Около сотни маленьких ватных тампончиков, пропитанных кровью, были разбросаны по всей площади квартиры.

«Вот что меня беспокоит, – догадался наконец Струге. – Новогодняя елка двадцать четвертого марта».

Весь осмотр занял не более пяти минут. Более здесь задерживаться не было смысла. Струге прошел в коридор, распахнул входную дверь и нос к носу столкнулся с тремя молодыми людьми.

– Заходите, заходите, – пригласил всех троих Антон и

уступил им место в дверном проеме. – Синий с Перцем поехали за «весом». Если я их не найду, то скоро они, наверное, будут. Посидите, подождите. Главное – не скучайте. Полистайте журналы, выпейте кофе…

Подозрительно посмотрев на Антона, они утонули в глубине притона. Струге вынул телефон и стал спускаться по лестнице.

– Марков? Это опять я – Антон Павлович. Слушай, мне тут один знакомый позвонил, что на Малой живет. Говорит, от районных ментов помощи ждать – легче повеситься. В пятнадцатом доме, в восьмой квартире, наркоманов с порошком – целая рота. Предполагает, что и оружие есть. Ты бы послал туда нарядец какой, а? А то позвонит мужик в областную управу, нажалуется за бездействие… Это ты уж сам разбирайся – кому он жаловался и кто не принял меры!

Итак, Выставочная, дом пять. Наверное, худшего названия для адреса найти сложно. «Ты где живешь?» – «На Выставочной». – «А, это где все квартиры выставляют?» Вряд ли Синий и Перец сейчас об этом задумывались. Улица в пяти минутах ходьбы от Малой. Где же искать в этом пятом доме?

Три подъезда, дом еще старше предыдущего. Эдакий образчик переходного периода от сталинского ампира к хрущевской недоношенности.

Самое ужасное в ситуации заключалось в том, что помощи ждать было неоткуда. Глупо оповещать правоохрани-

тельные органы о том, что в суде похищен не компьютер, не калькулятор и не норковая шапка. Похищены материалы, на основании рассмотрения которых опасный преступник должен быть предан суду. А такая огласка означала для Струге только одно – позорную отставку. Заканчивать свою карьеру подобным скоропостижным образом Антон не мог. И только это обстоятельство заставляло его, безоружного, заниматься очень странным для судьи делом.

Он перестал раздумывать о точном адресе сразу, едва увидел припаркованную у последнего подъезда новенькую «десятку». В уголовном деле, которое он совсем недавно закончил рассматривать оправданием Семенихина, значилось, что он был задержан на автомобиле «ВАЗ-2110», принадлежащем подозреваемому. Перепутать номер было бы трудно, так как под бампером «Жигулей» значились три цифры – 444. Любимый номер токийской «якудзы». Нахождение у дома номер пять по улице Выставочной такой машины и наркотические показания «оленя» из притона объяснить одним совпадением было нельзя.

Значит, третий подъезд. Но в нем пятнадцать квартир, и рассчитывать на то, что со свободным проникновением в нужную квартиру повезет так же, как на Малой, уже не приходилось. Семенихин и этот неизвестный Перец чувствуют себя довольно уверенно, если способны самостоятельно перемещаться на транспорте. Значит, наркотики они не принимали.

«На работе – ни капли в рот». В сегодняшнем контексте это звучало как – «ни куба в вену». И что там за шмотки, от которых ломится вся полезная площадь квартиры? Рука Антона опять потянулась к телефону, но сейчас он ее отдернул, словно прикоснувшись к оголенному проводу. Как только о цели поиска Струге узнает первый попавшийся милиционер – все пропало. Дальше можно уже не стараться. Возможно, что и дело найдется в пять раз быстрее, но тогда это будет уже неважно.

Проходя мимо машины, Антон стянул перчатку и положил руку на капот. Назвать его теплым было нельзя, однако все говорило о том, что хозяин покинул авто совсем недавно.

«Я опоздал на Малую на самую малость, – заключил Антон, входя в подъезд. – Если они приехали оттуда сразу сюда, то здесь находятся не более трех минут».

На первом же этаже он почти лоб в лоб столкнулся со спускающимся дедком.

– Ты не из милиции? – поинтересовался старик.

«Они что, сговорились сегодня»?

– Смотря по какому поводу, – уклонился от дачи показаний Струге. – Вы вот, по какому случаю ее ждете?

– А тут только один случай может быть! – У старика под курткой виднелся ряд медалей. В последнее время в таком виде пожилые люди обычно ходят платить за квартиру или жаловаться в мэрию. Ну, понятно, еще в милицию. – Если бы вы Витьку из сороковой квартиры посадили год назад, то

и людям бы спокойно жилось!

Струге почувствовал такое угрызение совести, словно это он не посадил Витьку.

– А что, опять бузит? – спросил он, применяя глагол, который можно было безошибочно применять для определения любого противоправного поступка.

– «Бузит…»! – передразнил ветеран. – Палят, как на Первом Белорусском! Куда вы, милиция, смотрите?!

У Струге зашевелились под шапкой волосы. Быстро задав уточняющий вопрос, он понял, что палить начали только что.

– Быстро звони в милицию! – рявкнул Антон и побежал на второй этаж. – Куда пошел?! В квартиру любую зайди и набери ноль-два!

– А хрен тебе с маслом! – послышалось снизу. – Тут телефоны еще в прошлом году отключили!..

Семенихин, известный в своем кругу как Синий, и Витя Перец вышли из машины и зашли в подъезд. В последнее время оба сильно нервничали. Семенихин чудом избежал очередной отсидки лишь благодаря тому, что дело рассматривал известный в городе судья Струге.

Три месяца назад он был задержан патрулем вневедомственной охраны. Менты выехали на сообщение своего оператора на сработавшую сигнализацию одной из квартир. Ничего не подозревая о том, что соседнюю квартиру «обно-

сят» двое придурков, Олежек Семенихин сидел в другой – напротив – и пил пиво с бывшим зоновским товарищем. Оба загремели на «общак» по «наркотической» статье. Каких-то пятнадцать граммов беспонтовой марихуаны, что они не успели сбросить в момент задержания, определили их дальнейшую судьбу на два года. Эти же самые два года оказались неплохим санаторием для восстановления подорванного наркотиками здоровья. В зоне с «отравой» было туго; более того, сама зона была «сучьей», поэтому особо разгуляться не пришлось. Они освободились и полностью избавились от наркотической зависимости. Это тот случай, когда «тюрьма исправляет». Оказавшись на свободе, Семенихин занимался не потреблением, а распространением. Уже через месяц он понял, что продавать и наживать скромный капитал гораздо выгоднее и приятнее, чем тратить деньги, уничтожая собственное здоровье.

Синий занимался исключительно оборотом мелких партий героина и гашиша, в то время как его лагерный друг не брезговал и другими способами улучшения своего материального положения. Однако и Перец не избежал ударов коварной судьбы. Буквально через неделю после того, как Олежку выгребли из подъезда его дома, он сам оказался в опальном положении. Очень удачный «влом» в квартиру, где живет богатая армянка, принес долю в пять тысяч долларов, но отправил несчастного Перченкова в скитания. Двоих подельников арестовали, потом одного выпустили. Скорее все-

го, того, кто и назвал имя Перца как третьего участника махновского налета на квартиру армянки. Перца объявили в розыск, но истинную причину такой лютой ненависти властей к другу Семенихин не знал.

Но это случится только через неделю. А в тот злополучный для Олежки вечер он спокойно пил пиво с Перцем, подсчитывал прибыль, а друг рассуждал о том, как бы однажды правильно обнести квартиру, которая была расположена напротив.

– Там море баксов и рыжья, – вздыхая, как от неисполненного новогоднего желания, говорил Олежке лагерный кент. – Хозяин – соучредитель банка «Акцент». Пять минут работы – и мы на Коморских островах.

– Почему на Коморских? – попытался уточнить Семенихин.

– Я вчера в журнале «ГЕО» читал, – пояснил Перец. – Стащил с лотка на улице. Там, Синий, солнце – размером с тарелку…

– Дурак, это фотомонтаж, – усмехнулся Семенихин. – Где ты видел солнце размером с тарелку?

– В журнале «ГЕО»…

Вскоре Перец поведал, что квартира на сигнализации, поэтому если уж рисковать, то лучше лезть в сам банк.

Время шло, наркотики продавались, капитал множился.

Все было хорошо до тех пор, пока Олежку не задержал этот проклятый патруль. Допив бутылку пива, Семенихин

попрощался с приятелем и решил отвезти «под заказ» два грамма героина. День заканчивался хорошей прибылью. В тот момент, когда он выходил из подъезда дома, его по лестнице уже догоняли те двое, что, очевидно, читали тот же журнал, что и Перец. Но, в отличие от семенихинского друга, они не знали о сигнализации в квартире.

В течение двух часов Олежке Семенихину пришлось объяснять доблестным сотрудникам милиции, что он и эти двое – не знакомы друг с другом. Главная же неприятность заключалась в том, что при задержании у Олежека изъяли те самые два грамма. Собственно, изъяли не при задержании, а лишь в дежурной части отдела милиции. Семенихин вспомнил о двух маленьких кружочках целлофана лишь тогда, когда помощник дежурного вывернул его карманы.

И тут Олежка проявил чудеса сообразительности, заявив, что это – гнусная инсинуация сотрудников правоохранительных органов. Что, собственно, и доказал в процессе адвокат Желябин Моисей Лаврентьевич.

Когда Синий узнал, что приговор по его делу будет выносить судья Струге, им овладел тихий ужас, но Желябин успокоил его, сказав, что Антон Павлович и есть тот, кто вынесет законный приговор. А какой еще можно вынести приговор, помимо оправдательного, если героин изымался не на месте, а в дежурной части, и обнаружил его помощник дежурного не в присутствии понятых. И к тому же Семенихин, брызжа слюной, клялся могилой своей живой матери,

что несчастный помощник засунул ему в карман героин своими собственными руками.

И уже через неделю после того, как довольный Синий вышел из зала, его старинный друг Перец предложил ему рискованную, но заманчивую делюгу. В соседнем с Центральным районе уже давно застоялся, отсвечивая девственной чистотой и непорочностью, меховой салон «Женни». Ночью там дежурил вечно пьяный охранник из числа подрабатывающих в свободные дни ментов, а сигнализации вообще нет. «Если дело выгорит, – говорил Перец, – то уедем к солнцу». Семенихин согласился, и «вчерашним днем, часу в шестом» двое бывших зоновских корешков посетили салон «Женни». Посещение закончилось выстрелом жаканом в лицо охранника и выносом на улицу сорока норковых шубок. На следующее утро из телевизионных новостей Синий узнал, что они, оказывается, вынесли не сорок, а пятьдесят шуб.

Олежка точно помнил, что сорок, а не пятьдесят, так как на следующий день, приехав на квартиру, где хранился предмет разбоя, лично пересчитал наживу. Их было по-прежнему сорок. Он позвонил по мобильному Перцу, который незамедлительно приехал. Перец, в отличие от Семенихина, во время «чистки» салона товар не пересчитывал, поэтому такое несоответствие в десять единиц он воспринял с известной долей недоверия. Менты по телику сообщают, что неизвестные завладели пятьюдесятью шубами, а Синий звонит ему с квартиры, где хранится добро, и сообщает, что шуб

сорок.

Такую нестыковку Перец отнес за счет ловкости подельника, однако, обладая зоновскими понятиями о доказательствах, предъявлять другу «косяк» пока воздерживался.

Но в этот вечер Перец не выдержал. Глядя, как его друг поглаживает ласковый мех и воркует над ним, как голубь, Перец вдруг спросил:

– Синий, скажи правду: где десять тулупов?

Семенихин, ожидавший всего, но только не обвинений в крысятничестве, почувствовал, как в груди закипает гнев, а ноги подламываются от возмущения. Усевшись в одно из кресел с шубой в руках, он выдавил:

– Ты… считаешь, что я утаил от тебя те десять шуб, за которые мусора в «хрониках» трещат?

Перец тянул из банки пиво и прогуливался по комнате. Он собирался в этом деле ставить точку.

– Нет, Синий, я не буду возмущаться, если ты отдашь мне двадцать пять шуб, а себе возьмешь пятнадцать. Десять ведь у тебя уже есть?

– Да ты че?!! – взорвался Олежек. – Я когда-нибудь давал тебе повод заподозрить меня в блядстве?! Когда меня три месяца назад под окнами твоей хаты мусора брали с «весом», я даже слова о тебе не сказал! Ментам пояснил, что домом ошибся, а ведь мог показать на тебя. Десять шуб… Тебе в голову не приходит, что хозяева салона списали десять шкур для отчета перед своими основными хозяевами, а?

Там сорок шуб было, а не пятьдесят! Я сам считал, Перец…

– Что же ты сразу мне не сказал? А сообщил лишь из этой квартиры, по мобиле? И почему не сказал, что едешь сюда без меня? Странно, правда?

– Что ты хочешь этим сказать, зараза?.. – едва слышно прошептал Семенихин. – Что я тебя обворовал?..

И Перец сорвался окончательно.

– Я хочу сказать, что ты, когда услышал по телевизору новости, очень быстро сообразил, как заработать больше, чем я. Ведь мы после делюги свалили в квартире шубы и смотались до утра? Кто их считал? Никто! А ты говоришь, что успел посчитать. Когда же, Синий? Как ты мог это сделать, если мы с тобой из хаты вышли вместе?

– Идиот! Я шубы пересчитал еще в салоне! – От несправедливого обвинения лицо Олежки пошло пятнами. – Мы вместе сидели. Как ты можешь мне такое предъявлять?! Мы же вместе жрали баланду и били в зоне «сук»! Да подавись ты этими шкурами… Ты, Перчина, сам шкура.

Встав с кресла, Синий с размаху врезал Перцу в челюсть. Это было настолько неожиданно, что тот выронил банку и смешно упал задом на пол. Из одной ноздри медленно выбежала широкая струйка крови.

Синий больше бить не собирался, считая, что инцидент исчерпан, и Перцу как правильному пацану нужно адекватно оценить реакцию друга на случившееся и не обижаться. Встряхнуться и понять, в конце концов, что он не прав.

Однако у Перца был собственный сценарий окончания конфликта.

– Мило, – заметил он, не вставая с пола. – И ты думаешь, что я уверую в этот искренний гнев?

Кряхтя, он поднялся с пола и вытащил из-за пояса коротко обрезанное охотничье ружье.

– Ты что, спятил?! – отреагировал на появление оружия Семенихин. – Какая муха тебя укусила?!

Ночью из этой кастрированной двустволки был застрелен охранник, и Синий знал, что в одном из стволов есть как минимум еще один патрон с жаканом. Он помнил, что произошло с головой охранника, и поэтому сейчас, уже забыв о принципах и причине ссоры, всем телом подался назад.

– Слушай, Перец, если хочешь, забирай все эти шубы. Просто подумай о том, что скажут люди. Ты идешь с железом на корешка, не имея на то никаких обоснований.

Семенихин был абсолютно прав. Такое не прощается. Но Перец уже давно решил по-своему. Он решил это, едва услышал в новостях о количестве украденных шуб. В его кармане лежала доверенность на право управления «десяткой», поэтому сейчас другого исхода для Семенихина быть не могло. Стрелять в живого человека всегда трудно. Еще труднее стрелять в друга…

Выстрел прогремел. Перец, наблюдая, как его теперь уже бывший друг, хватая ртом воздух, сползал по чугунной батарее отопления, вдруг подумал о том, что этот выстрел могли

услышать соседи. Снимаемая ими квартира на Выставочной была пуста, как школьный актовый зал в июле. Выстрел из обреза – не пистолетный хлопок. Он едва не разорвал уши даже самому стрелку. Что делать?..

На площадке хлопула дверь, и послышались удаляющиеся вниз шаги. Перец вспомнил, как Синий говорил ему о том, что в доме не работает ни один телефон. А если это кто-то из законопослушных граждан метнулся сообщать о перестрелке в мусарню?!

Шубы!!

Вот то, из-за чего, собственно, и умирал сейчас у батареи его бывший друг. Он был еще жив. Синему хотелось проклясть Перца, но он не мог вымолвить ни слова. Умирать было страшно, но еще страшнее было смотреть на то, как человек, ближе которого у Семенихина не было, даже не обращал внимания на него. Словно и не было этой огромной развороченной раны на правой стороне груди. Ночью они тоже старались не смотреть на то, как корчится в агонии охранник. А Перец собирал по всей квартире шубы и набивал, набивал, набивал ими сумки…

Глава 4

Антон подошел к двери и наклонился к замочной скважине. Втянув носом воздух, он почувствовал характерный запах сгоревшего пороха. Можно было ошибиться, но слова старика-ветерана ставили в размышлениях точку.

За дверью слышались шаги и торопливые движения. Словно кто-то таскал по дощатому полу тяжелые сумки и сносил их к входной двери. Струге прислушался. Работал один человек. А где же второй? Ах да… Этот запах…

Простояв под дверью еще несколько минут, Струге вдруг с ужасом подумал о том, что произойдет, если старик на самом деле побежал звонить в милицию. Братва в полосатом «УАЗе» прибудет на место уже через несколько минут.

– Вот черт… – пробормотал Антон и в растерянности стал осматривать дверь. Ничего особенного – коричневый, треснувший в нескольких местах материал указывал на то, что дверь деревянная и не является «задачей», которую обычно любил ставить перед органами правопорядка ныне покойный вор в законе Пастор. Одной из его любимых шуток была установка бронированной двери и маскировка ее под хлипкий лист фанеры, обшитый ватой и разорванным дерматином. Этакий кирпич, засунутый в резиновый мяч и оставленный посреди тротуара. Пастор-Овчаров постоянно переезжал, однако арсенал его шуток оставался неизмен-

ным. На памяти Струге было уже около десятка сотрудников СОБРа, которые после штурма квартир Овчарова доставлялись в больницу с тяжелейшими травмами ног.

Прислонившись спиной к косяку соседней квартиры, что была напротив, Антон обрушил на дверь всю тяжесть своих восьмидесяти килограммов веса. Дверь сухо треснула и отлетела в сторону. Путь вперед был свободен…

Свободен, если не брать в расчет тридцатилетнего, незнакомого судье мужика. Он стоял в конце короткого коридора и вынимал из-за пояса обрез.

– Тихо, тихо, родной… – протянул к нему руку Антон. – Не стреляй в папу. Если попадешь – меньше пожизненной «крытки» не дадут.

Увидев, что его слова дошли до сознания молодого человека, Струге на мгновение расслабился и потерял концентрацию.

«Кажется, – подумал судья, – контакт налаживается…»

Однако тут же ему пришлось закрывать голову от обреза. По всей видимости, после стрельбы стрелок не удосужился перезарядить обрез и теперь пользовался огнестрельным оружием как холодным. Проще – пытался забить своего противника «стволом», как муху. Отметив сей факт, Струге даже развеселился: противника, вооруженного мухобойкой, он не боялся.

– Что ж ты делаешь, варвар? – кряхтел он, уворачиваясь. – По живому-то человеку – да ружьем! Разве можно?

Улучив момент, он подсел, а когда выпрямлялся, ударил парня в голову. Несильно ударил, но тот покачнулся и слегка «поплыл». Однако, когда Струге, опустив руки, стал к нему подходить, противник сделал то, чего никак нельзя было ожидать от человека в состоянии нокдауна. Выждав, пока Струге подойдет к нему максимально близко, он ударил его ногой в колено и добавил сверху по затылку судьи. После этого молниеносно схватил один из баулов и крысой метнулся в образовавшийся свободный проход.

– Теряю квалификацию… – бормотал Антон, стоя на коленях и слушая, как по лестничным пролетам стучат каблуки Перца.

Перец. Это был он – Струге в этом уже не сомневался. Он лишь корил себя за то, что расслабился и дал возможность одному из друзей Семенихина убежать.

Поднявшись с пола и потирая ушибленный затылок, Струге быстро вошел в первую попавшуюся комнату. У батареи центрального отопления лежал Семенихин и смотрел на Антона *уходящим* взглядом.

– Что… вы… здесь… делаете? – пробормотал он в лицо присевшему возле него судье; из его рта пахло кровью и какой-то гнилью.

– Контролирую, как выполняется мой приговор. – Струге рванул Семенихина за ворот свитера. – Где дело, Олег?

– В «Женни» было дело…

– В каком Жене? Где уголовное дело? Не парь мне мозги,

сынок! – Вынув из кармана телефон, Антон набрал «03».

– Я не хотел идти на это дело… – Синий виновато смотрел на судью и едва не плакал. – Перец попросил…

– Перец? А какое Перцу дело до дела Цебы? – Струге задавал вопросы раненому и параллельно отвечал на вопросы диспетчера «Скорой помощи».

Семенихин дернулся, его лицо исказила судорога.

– Холодно…

Струге знал, что это значит. Сидеть, опершись спиной на раскаленный радиатор, и уверять, что его знобит, может лишь человек, который находится в шаге от смерти.

– Дело, Олег! Где дело?!

Антон видел, как с глаз смертельно раненного Семенихина исчезает блеск, и они словно затягиваются какой-то синтетической прозрачной пленкой.

– Куда ты дел дело, черт тебя побери?! Отвечай!..

Но отвечать уже было некому. На руках судьи висел труп.

– Перец… – бормотал Антон, укладывая голову Семенихина на пол и закрывая ему глаза. – Он сказал: «Перец попросил». Вот ты и напросился…

Сумки!

Струге бросился в коридор и стал вытряхивать содержимое больших тяжелых баулов. Голубой, черный, золотистый мех, переливаясь миллионами искр, заиграл на полу убогого коридора.

– Вот что за «Женни»… – прошептал, задыхаясь от усер-

дия, Струге. – Вот кто, оказывается, будучи оправданным, валит охрану и таскает в свою норку чужие норки!

Перерыв все сумки, он обнаружил целую охапку шуб.

– Да где же дело?!

Не в том ли бауле, который, убегая, Перец прихватил с собой?

Впору было отчаяться. Оставалась последняя надежда. Перец. До назначенного им же, Струге, первого процесса по делу Цебы оставалось две недели. Если он не сможет за этот срок отыскать папку, можно смело идти в кабинет к председателю облсуда Лукину, класть голову на плаху и признаваться в том, что он, Антон Павлович, эту многолетнюю схватку с Игорем Матвеевичем наконец-то проиграл. Вот порадуется старик!..

За окном послышался вой сирены. Антон, размышляя над ворохом шуб о своем будущем, совершенно позабыл о том, что к дому вызвана милиция, а он находится в квартире среди вороха шуб, взятых разбоем, сопряженным с убийством, а в соседней комнате лежит труп одного из преступников.

Лихорадочно соображая, на чем он мог оставить отпечатки рук, Струге оглянулся вокруг себя. Баулы были из числа тех, которыми торгуют на Терновском рынке вьетнамцы, – плетеная синтетическая мешковина. Оставить на них следы просто невозможно. Больше он ни к чему не прикасался. Но куда бежать? Куда можно убежать с четвертого этажа?

На пятый.

Антон обрадовался, когда увидел, что крышка люка, ведущего на чердак, не заперта на замок, а замотана алюминиевой проволокой. Но кто постарался замотать эту чертову проволоку на столько оборотов?!

Как бы то ни было, это был единственный способ избежать свидания с милицией.

– Это на четвертом этаже, – где-то внизу послышался знакомый Антону голос старика-ветерана. – Квартира направо!

Два последних оборота… Антон уже не чувствовал пальцев рук.

– А сколько раз стреляли? – Этот вопрос прозвучал уже между вторым и третьим этажами.

Если не успеть откинуть крышку люка сейчас, то потом вообще этого лучше не делать!

Сухо скрипнув заржавевшими петлями, люк откинулся внутрь, а в лицо Струге ударила волна затхлости, пыли и птичьего навоза. Антон занес свое крепкое тело наверх.

Крышка осторожно опустилась на старое место в тот момент, когда один из сержантов развернулся на лестничном пролете лицом к квартирам. Струге оказался проворнее на десятые доли секунды. Теперь Антону очень хотелось, чтобы этот сержант не обратил внимания на едва заметную пыль под лестницей люка и мокрые следы на ее арматурных ступенях.

Поднеся руку ко лбу, чтобы стереть пот, судья с изумлением понял, что сжимает в руке какой-то предмет. Перчатка?..

В его сжатой ладони была вязаная перчатка Перца, которую Антон в пылу борьбы нечаянно сорвал с руки разбойника. Так вот почему так долго распутывалась проволока на крышке люка! Он держал в руке перчатку.

Антон сунул ее в карман, согнулся в три погибели и двинулся к противоположному концу чердака. Там был люк, через который можно проникнуть в первый подъезд. Если он заперт более надежно, чем тот, который только что спас Антона, тогда… Тогда придется «зачалиться» здесь, с голубями, до вечера. Пока приедет прокуратура, пока будут выполнены все следственные мероприятия, пока опера совершат обход дома…

Пока наконец приедет «труповозка». И еще в течение часа после этого все равно нельзя высовывать с чердака даже кончика носа!

День для федерального судьи заканчивался просто замечательно. С утра из его кабинета похитили уголовное дело. Чуть позже он прокатился на ассенизаторской машине, а потом стал свидетелем убийства и нашел товар, взятый разбоем из мехового салона. Затем весь провонял дерьмом. Где это его так угораздило? Ах да… Он лазил по чердакам, спасаясь от милиции.

А сейчас он выходил из первого подъезда, гордо подняв голову и беспечно засунув руки в карманы.

Кажется, не заметили…

Обычный день рядового российского судьи подходил к

своему концу.

Всю ночь Антон провел в мучениях. Надежда на то, что украденное Семенихиным дело можно будет отыскать по горячим следам, не оправдалась. Перец теперь наверняка знает о важности этого дела. У них с Семенихиным было много времени для того, чтобы обсудить план обмена его на твердую валюту. Если бы дело сам выкрал Цеба, отпущенный под подписку о невыезде, можно было не сомневаться, что пепел протоколов допросов, экспертиз, заключений и осмотров уже давно развеян с моста над Терновкой. Однако дело увел очень жадный человек, наркоман со стажем и просто нехороший человек. Вряд ли Семенихин сделал это исключительно из альтруистических побуждений, горя желанием спасти «братка»-соседа от неминуемой каторги. Это не тот тип людей. Семенихин крадет для того, чтобы продать и нажить денег. Наверняка к этому же типу относится и Перец. Лишившись в одночасье шуб и имея на руках одно лишь дело Цебы, он предпримет все усилия, чтобы получить компенсацию за нанесенный себе материальный ущерб.

Но когда и как он будет это делать? Семенихин не успел сказать даже фамилию Перца.

А это означает, что за сегодняшний день Антон не приблизился к своему спасению ни на шаг.

Жена Антона, Саша, поняв, что муж чем-то удручен, не стала его мучить расспросами. И в этом была права. Вряд ли

Струге сейчас хотелось объяснять любимому человеку свое нынешнее положение. Придет час, когда он это сделает.

Утром он поднялся с постели в таком состоянии, как будто провел ночь в разухабистом запое. Путь на службу оказался самым долгим за всю его карьеру. Антону показалось, что он прибыл на службу лишь к обеду.

Но время до обеда растянется для него на неделю. А первым же испытанием будет вызов Николаева к себе.

– Виктор Аркадьевич велел передать вам, – сказала Алиса, едва Струге вошел в кабинет, – чтобы вы зашли к нему.

– Спасибо. – Антон разделся и направился по коридору.

Причина вызова оказалась ясна, едва он пересек порог кабинета председателя. У него вновь сидел господин Балыбин Вольдемар Андреевич. Если бы вчера он не вышел из кабинета перед Струге, Антон подумал бы, что он вообще отсюда не выходил. Шикарный костюм от Бриони Вольдемар Андреевич сменил на не менее шикарный от Рико Понти, а мокасины рыжие – на мокасины черные. Неизменной оставалась лишь заколка-»мигалка» чуть пониже узла галстука.

– Доброе утро, Антон Павлович! – приветствовал Струге Николаев. – Что-то вы плохо выглядите. Нагрузка, я понимаю…

Последняя фраза была явно лишней. Не нужно говорить о том, что известно каждому судье. Скорее, это было сказано для Балыбина. Ему-то явно не известно, какая у судей нагрузка. Впрочем, зачем ему это знать? Ему наплевать на это.

Его сейчас интересует одно-единственное дело.

– Антон Палыч, дайте сигнал Алисе – пусть она принесет дело… – попросил Николаев.

– Зачем я буду давать Алисе сигнал? – посуровел Антон.

– Нам нужно полистать дело, оценить. Ну, Антон Палыч, не будьте ханжой.

Струге сел без приглашения за стол и тяжелым взглядом окинул президента филиала.

– Значит, так. Никаких сигналов я никому давать не стану. И никакие дела мы тут листать не будем. Это так не делается, Виктор Аркадьевич. При всем уважении к Вольдемару… Андреевичу, да?

– Да, Андреевичу, – подтвердил Балыбин.

– Так вот. При всем уважении к Андреевичу, никаких дел в его присутствии я листать не буду. И тем более подвергать их оценке. Но готов ответить на вопросы, на которые сочту нужным дать ответ. – Оценивая эффект, который произвела его тирада, Струге добавил: – И еще… Я не ханжа, Виктор Аркадьевич, не нужно так. А то я ведь могу и на вопросы не ответить.

Николаев очень хорошо понимал, что в своей фамильярности и мнимом панибратстве слегка перегнул палку. Лукин предупреждал, когда освящал приход Николаева к должности председателя Центрального суда:

– Не шути с этим парнем. Он тебе и без твоих шуток дел наделает. Не утрешься. Нужно сообща, Виктор Аркадьевич,

сообща. Понял?

Николаев хорошо понял. И нынче, балансируя между Лукиным и Струге, иногда ошибался. Особенно обидным было то, что он видел – Струге все понимает.

– Ладно, – быстро согласился он. – Присутствие дела тут необязательно. Рядом с нами судья, знающий его как содержимое своего паспорта.

– Я вот, например, – заметил Балыбин, – ни одной цифры из своего паспорта не помню. Вчера Антон Павлович дело не читал, откуда же он может знать его сейчас?

После этих слов Струге с огромным трудом подавил в себе желание встать, взять этого кабана за кучерявый затылок и лобовой костью президента филиала сломать николаевскую столешницу. Этот фраер будет здесь юродствовать и определять правила поведения судьи? Встать или не встать?..

«Не встану», – усмехнувшись, решил Антон. Вместо этого он улыбнулся.

– Ну зачем вы так? Конечно, дело прочитано, раз за него просят уважаемые люди.

Балыбин, который не отрывал от Струге глаз, прекрасно понимал, что судьишка издевается. Когда Лукин выступил одной из подпорок при выдвижении его на пост президента филиала, он дал Струге очень короткую характеристику:

– Мутный тип. Держи, Вольдемар, ухо востро. Едва он уловит в тебе хоть слово лажи, тут же укусит. Понял?

Вольдемар Балыбин понял, что Струге укусит. А как дер-

жать с ним ухо востро – уяснил не совсем четко. И сейчас, рассматривая на лице судьи резиновую ухмылку, Балыбин понимал, что с его стороны совершен прокол и теперь следует ждать укуса.

– Так что, – между тем продолжал Антон Павлович, – спрашивайте. Обещаю, что над ответами долго думать не буду.

Николаев замялся, а президент филиала поморщился и поправил галстук. Струге подумал о том, что сейчас говорить. Все, что ему известно из толстого уголовного дела, это то, что обвиняемый – Цеба Артур Алексеевич. А еще то, что он является племянником президента фонда. Все.

«Эх, знать бы хоть, кто потерпевший! Да кто остальные участники, где дело было и размер ущерба…»

Антон спокойно улыбался и смотрел то на Николаева, то на Балыбина. То, что сейчас происходило в кабинете, по своим признакам полностью относилось к беззаконию. Двое судей это понимали очень хорошо, Балыбин же даже не догадывался. Ему казалось, что двое недоумков валяют ваньку, набивают себе цену, чтобы подороже продать свои дешевые шкуры. Сделав такой вывод, он спросил:

– Что реально угрожает Артуру?

Струге не думал и секунды.

– Разбой – преступление дерзкое, относится к категории тяжких; в среде уголовников вызывает невольное уважение к лицу, его совершившему. Так что издевательства со стороны

сокамерников Артуру Цебе не угрожают. Теперь – что касается закона. Поскольку в разбое участвовала группа лиц по предварительному сговору, то Уголовным кодексом это квалифицируется как третья часть данной статьи. От восьми до пятнадцати с конфискацией имущества.

Антон, переводя дух, молил о том, чтобы в утерянном деле следователь предъявил всем участникам преступления именно то, что он сейчас выдал.

– Да какое тяжкое! – возмутился Балыбин. – Артур вообще в самом разбое не участвовал! Он на стреме стоял!

– На чем, простите, стоял? – уточнил Антон Павлович.

– На стреме!

– На чем? – снова спросил Струге.

– На шухере, – перевел на более понятный язык Вольдемар Андреевич.

– И что он делал?

Балыбин был взбешен.

– Понимаете, уважаемый судья, Артур стоял и следил за обстановкой. В случае опасности, он должен был подать сигнал, чтобы его друзья не попали в руки милиции. Теперь понятно?

– Теперь понятно. – Антон мотнул головой и откинулся на спинку стула. – Не понятно другое. По-вашему, это называется «не участвовал в разбое»?

– Он не грабил! – Вольдемар Андреевич налег своей мягкой грудью на стол. – Не пытал хозяйку квартиры утюгом

и не вынимал из шифоньера эти чертовы пятнадцать тысяч долларов! Он просто стоял у входной двери внутри квартиры и даже не знал, что в ней творится!

Струге шумно выдохнул воздух.

– Знаете, Вольдемар Андреевич, вы сейчас рассуждаете, как наш инспектор по делам несовершеннолетних Федя Зубарев. Он ловит на улице стайку малолеток, приводит в отдел и задает один и тот же вопрос: «Что такое сборник карт?» Тех, кто ответит «атлас», он отпускает, а тех, кто скажет «колода», начинает склонять к даче показаний по неочевидным преступлениям. Вы позвольте уж мне, как судье, определять степень вины каждого из героев! И еще одна просьба. Займитесь своим делом и не пытайтесь оказать давление на суд. Не надо, ладно?..

– Я не пытаюсь оказать давление. – Было видно, что Балыбин слегка струхнул и сравнение с Федей Зубаревым ему не понравилось. – Я хочу лишь объяснить вам, что Артур даже руки на эту Григорян не поднял…

«Так, еще пара прокачек, и «белых пятен» в этом деле станет еще меньше…»

– А кто же, по-вашему, пытал хозяйку квартиры? Домовой? Или опоздавший на поезд в Лапландию Санта-Клаус?

– В деле ведь, блин, все есть! – прошипел, как гюрза, Балыбин. – Смуглов, который сейчас под подпиской, обыскивал квартиру; Перченков, который сейчас в бегах, жег утюгом эту… Григорян! А Артур, который не прикоснулся ни к

деньгам, ни к утюгу, ни к Григорян, третий месяц парится в следственном изоляторе!! За что?!

– А вы не понимаете? – Антон насупился. – Странно, что гражданин, занимающий столь высокий пост, не видит в действиях человека состава преступления только потому, что человек является его родственником. Артур Цеба, Смуглов и Перченков составили план операции, по которому и действовали в отношении потерпевшей Григорян. Такое поведение квалифицируется как преступный сговор группой лиц. Это все четко и ясно прописано в деле. Обсуждать такие моменты более конкретно вне процесса я не имею права, Виктор Аркадьевич это знает. Но все же скажу, что я согласен со следователем, расследовавшим это дело. Как я убедился, преступление он квалифицировал правильно, виновность каждого определил четко.

– Вольдемар Андреевич хотел бы спросить, – словно переводчик, тактично вмешался председатель, – нельзя ли до суда изменить меру пресечения для Артура Цебы?

«Ай, молодца! – восхитился ловкостью Николаева Струге. – Знает ведь, что такие «кабинетные» просьбы я выполнять не стану, но все равно спрашивает! Молодец. Он хочет, чтобы я отказал. Чтобы именно я это сделал, а не он бы объяснял Балыбину, кем и каким образом подаются подобные ходатайства. Ладно, раз мне сделан пас, я его отыграю…»

– Я думал, у вас есть сильный адвокат, Вольдемар Андреевич. А у вас его нет. Наверное, поэтому Цеба в СИЗО, а

Смуглов – под подпиской.

– Бред какой-то. – Лицо Балыбина пошло бордовыми пятнами. Он явно не рассчитывал на такой поворот в разговоре. – Я так понимаю, что говорить нам больше не о чем?

– Ну почему же?! – встрепенулся Николаев. – Наша беседа продолжается, Вольдемар Андреевич! Мы все прекрасно поняли, дело идет своим чередом. Главное – сохранять спокойствие. Антон Павлович – сильный судья и он сделает правильный вывод из нашего разговора. Правда, Антон Павлович?

– Воистину – так, Виктор Аркадьевич. У меня только один вопрос к Вольдемару Андреевичу. – Струге повернулся к готовому встать и уйти Балыбину и сделал кислую мину. – Неужели вы до сих пор не смогли сходить к Григорян, чтобы возместить моральный и материальный ущерб, а также попытаться уговорить ее сделать заявление, что она не имеет претензий?

Балыбин завертел головой, как филин.

– Так пытались же, – с надеждой в голосе произнес он. – И она согласна.

– Ну, уже кое-что. – Струге надулся, стараясь быть похожим на индюка. – А вы куда к ней ездили? На улицу Свердлова, где мать ее живет?

– Я понятия не имею, где ее мать живет, – удивился президент филиала. – Она дома постоянно живет. На Сакко и Ванцетти…

– А, на Сакко и Ванцетти! – Струге покачал головой. – В месте регистрации…

– Да нет, – уже спокойно возразил Балыбин. – Она зарегистрирована на Садовой. А на Сакко и Ванцетти она квартиру снимает. У нее с мужем рамсы какие-то…

Николаев забеспокоился. Он завертел головой, и Антон понял, что в его, Струге, проколе председатель пытается уловить какую-то причинно-следственную связь.

– Я могу быть свободен, Виктор Аркадьевич? – Струге поспешил встать. – У меня процесс через полчаса.

Конечно, Николаев был не против, но ему было непонятно, как такой грамотный судья, как Струге, мог дважды подряд ошибиться.

Антон вошел в кабинет, снял трубку и набрал номер телефона своего друга детства, Вадима Пащенко. Несмотря на то что тот трудился прокурором в Терновской транспортной прокуратуре, их отношения продолжали оставаться дружескими, хотя государство не очень поощряет подобные межведомственные связи. Их детство прошло в одном дворе, они вместе учились на юрфаке местного института и тянули лямку следователей в уже упомянутой транспортной прокуратуре; вместе ходили на футбол, болея за терновский «Океан», который уже двадцать лет подряд не мог выйти в первую лигу, играли сами в дворовых командах на первенство города, пили на трибунах пиво и помогали друг другу, чем могли.

Кажется, для Антона опять наступил момент, когда сто-

ило позвонить прокурору. Суть просьбы была такова, что нужно было звонить именно старому другу, хотя звонок, скажем, в УБОП – знакомому начальнику отдела Александру Земцову мог принести более качественные результаты. Но только обращение к Пащенко могло остаться незамеченным для всех остальных. А этот довод перевешивал все остальные.

Узнать все о Смуглове, Перченкове и Цебе, чье дело передано для рассмотрения в Центральный суд. Теперь – второе. Кто такой Перец?

– Да, Вадим… – вздохнул Антон Павлович, повторяя свою просьбу. – Перец. И это все, что я знаю о фигуранте. Попробуй провести его через связь с неким Семенихиным…

Ниточка, которая связывала уголовное дело с Цебой, оборвалась сразу после смерти Семенихина. Труп Олега Александровича Семенихина обнаружен сегодня в снимаемой им квартире. Вот почему нужно было срочно отыскивать другой путь для поиска дела.

– У меня тут с делами, Вадим, полный перец…

Пащенко попросил два часа.

Значит, целых два часа не имело смысла сниматься с места. Антон успел провести запланированный процесс и собирался уже сесть в следующий, как Алиса пригласила его к телефону, сказав, что звонит «какой-то Пащенко».

Он обещал позвонить через два часа, а позвонил через полтора.

– Ручку с карандашом приготовил? Можешь отложить, они тебе не потребуются. Перец, проходящий в связи с Семенихиным Олегом Александровичем, это Перченков Виктор Владимирович, семьдесят восьмого года рождения. Ранее судим с отбыванием наказания в колонии общего режима за хранение наркотиков. Наркоман. В настоящее время находится в федеральном розыске за разбой за следственным отделом Центрального РОВД. Двое соучастников задержаны, в отношении него дело выделено в отдельное производство. Само же дело передано в Центральный районный суд и находится на рассмотрении у федерального судьи Струге А.П. Не хочешь встретиться, Антон?..

Глава 5

В руке судьи хрустнул карандаш.

Вопреки совету Пащенко он стал записывать каждое его слово. Но едва грифель вывел на листе бумаги фамилию «Перченков», Струге перестал писать. Еще полтора часа назад он сгорал от нетерпения, ожидая звонка от прокурора, чтобы потом помчаться в указанном направлении. Он дождался звонка, только теперь спешить было некуда.

Перченкову не имеет смысла закручивать тонкую комбинацию по продаже Цебе дела. Это его дело – Перченкова. Того самого Перченкова, который проходил по одному с Цебой делу о разбое. И это как раз тот случай, когда дело сжигается, рвется сразу же, едва попадает в руки.

– …Я не слышу ответа, Антон.

Услышав в трубке голос, Струге понял, что сидит, откинувшись на спинку и держит трубку в откинутой в сторону руке.

– Что ты говоришь?

– Я спросил: ты встретиться не желаешь?

«Теперь можно делать все, что угодно, – думал Струге. – Можно встречаться, можно не встречаться. Можно рассматривать дела, не заботясь о качестве работы. Теперь можно не думать о том, что тебя вытянут на ковер квалификационной коллегии судей и начнут пытать: а почему у вас, Струге, так

много отмененных приговоров? А почему на вас так много жалоб? А почему вы иногда опаздываете на работу? Почему играете в футбол и не блюдете честь судьи?

Можно улыбаться и махать рукой. На все эти вопросы можно не отвечать по одной простой причине – его вышибут из суда гораздо раньше.

– В кафе, – сказал Антон. – В восемнадцать часов. Я угощаю.

Теперь даже поздно проситься в добровольную отставку. Известие об утере уголовного дела застанет всех в самом начале этого бюрократического процесса. Да и не стал бы Антон затевать эту жалкую игру.

Олежка Семенихин, милейший человек, уходя из кабинета даровавшего ему свободу судьи, захватил с собой уголовное дело по факту обвинения своего зоновского корешка. И не было в этой светлой голове даже мысли о том, чтобы превратить это дело в денежные купюры. Он просто спасал лагерного друга от «ходки» на «строгач». Случилось чудо – друг спас жизнь друга.

А Витя Перченков, тоже милейший человек, разрядил в своего спасителя охотничий обрез. Как все загадочно в этом мире, как необъяснимо… Самым же необъяснимым будет то, что за все эти проделки казнить будут Струге, который законно оправдал Семенихина. А ничего бы этого не было, если бы Антон Павлович поддался уговорам оперов из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Они ведь

говорили тебе, Струге: садить его, гада, нужно! Город еще хлебнет горя с этим подонком!

И что сделал честный судья Струге? А ничего особенного. На основании положений ныне действующего законодательства, он признал доказательства, собранные милицией в отношении гражданина Семенихина, недостаточными. Так Синий оказался на свободе, а теперь появится причина для возбуждения уголовного дела в отношении самого Струге.

– А с чего ты взял, что Семенихин отдал дело Перченкову?

Пащенко – как всегда спокойный и рассудительный – терпеливо дожидался, пока в бокале осядет пена.

Рассказав прокурору о своих напастях, Струге почувствовал, что предполагаемого облегчения так и не наступило. Этот вопрос Пащенко он отнес к разряду бестолково-успокоительных, которые задаются лишь для того, чтобы зародить в собеседнике необоснованную надежду. «У него рак? Какой кошмар! Ничего, все будет нормально». При этом всем хорошо известно, что ничего нормального произойти не может, ибо ЮНЕСКО, которое обещало выстроить памятник из чистого золота тому, кто найдет лекарство от рака, его до сих пор не выстроило. Хотя золота – хоть завались. Так же и здесь. «Твое дело у одного из основных обвиняемых? Ерунда – он его носит с собой и собирается вернуть в суд».

– А почему, собственно, Семенихин, который доверяет

напарнику настолько, что вместе с ним идет на убийство и разбой, не будет отдавать ему уголовное дело? – вопросом на вопрос ответил Струге.

– Но почему тогда Перченков стрелял кабаньей картечью в своего друга? Так оригинально поблагодарил за оказанную услугу?

Пащенко дождался своей минуты и припал к бокалу. Пиво в этом кафе он ценил. Осушив сосуд наполовину, он поставил его на салфетку.

– Тогда давай считать, судья, – сказал он, шаря в карманах. – В томе любого дела двести пятьдесят листов. Ты пошел по следу так быстро, что возможности для уничтожения такого количества бумаги у Перченкова практически не было. – Найдя сигареты, он на секунду задумался. – Даже теоретически. Это, во-первых. Во-вторых, Семенихин мог не отдать ему дело сразу. Поскольку мы знаем, чем закончился их последний разговор, ясно, что не такая уж дружная это была компания. А раз так, то почему нельзя предположить, что Синий шантажировал Перца? А? Если даже дело все-таки попало в руки последнего, то у него даже сейчас нет времени на уничтожение бумаг. Из двух квартир ты его уже выдавил. Значит, он остался практически на улице. Жечь дело в подворотне? Представляешь, сидит перед костром чувак, отрывает лист за листом и кидает в огонь… «Здравствуйте, вы что тут делаете?» – «Да так, ничего – уголовное дело жгу. И еще, если вам интересно, я в федеральном розыске».

– Что-то я не въезжаю, брат, – признался Антон. – К чему ты клонишь?

– Я не клоню, а заявляю. Со всею ответственностью, Струге. Это тебе кажется, что толстое уголовное дело очень просто уничтожить. Раз – и его нет. А Перцу его нужно именно у-нич-то-жить! Без следа. Чтобы ни строчки не осталось. Эту работу никому не поручишь, иначе потом остаток жизни будешь мучиться вопросом, хорошо ли уничтожено дело. А Перцу сейчас это просто некогда делать. И негде. Ему даже податься на машине Семенихина некуда. Он на территории Тернова вне закона. Дело спрятано, я уверен в этом. И Перченков будет ждать того часа, когда появится возможность спокойно сесть и похерить трехмесячный труд милицейского следователя. Хотя…

Антон поднял на Пащенко молниеносный взгляд.

– Что?

– Хотя эти рассуждения верны, если Семенихин все-таки успел передать подельнику папку. В противном случае, шансы найти ее равны один к миллиону.

Струге и сам все понимал. Пока есть направление работы, нужно пользоваться отведенным для этого минимумом временем. Теоретически это – две недели. На практике же Перченков мог остановить ход секундомера в любое мгновение.

– И потом, Антон, есть еще одна причина, которая не позволит Перцу мгновенно сжечь дело. Показания.

– Не понял. – А вот этого Струге действительно не пони-

мал. – Какие показания?

Вадим допил пиво до конца и подал знак бармену. Это кафе было «своим», то есть каждый, кто в нем находился – от хозяина до посетителя, – знал возможности друг друга. Можно было не сомневаться, что через минуту перед двоими мужиками в штатском вновь появятся наполненные бокалы и чистые пепельницы.

– А ты бы не хотел, находясь в розыске, хотя бы одним глазком взглянуть на протоколы допроса и выяснить, кто тебя на самом деле сдал? Перец в бегах, а это означает, что основная часть следствия прошла без его участия. Если верить моей информации, на момент задержания преступников в квартире потерпевшей находилось лишь двое злоумышленников. Перченков успел улизнуть в момент облавы. Кто же сдал? Кто самое слабое звено в команде? Гражданину Перченкову – с его восемью классами образования – понадобится минимум пять дней, чтобы тщательно ознакомиться с делом и найти в нем ответы на свои вопросы. Понял? Время у тебя есть, но его так мало, что даже естественные надобности лучше на ходу справлять. Так что допивай и пошли отсюда к чертовой матери…

В квартире Пащенко ничего не менялось уже добрый десяток лет. Отсутствие женщины виделось в каждом штрихе убранства этого двухкомнатного жилища. Вадим жил один уже пять лет.

Антон по привычке – как у себя дома – снял ботинки, накинул на один из крючков «прихожей» дубленку и прошел в зал. Дальше он мог действовать с закрытыми глазами. Дойти до бара в мебельной стенке, плеснуть себе в стакан содержимого на выбор, щелкнуть кнопкой на пульте, который валялся рядом с диваном, и развалиться в кресле.

Пащенко пошел в ванную. Вытирая лицо махровым полотенцем с изображением облезшей от застиранности Мэрилин Монро, он появился на пороге комнаты.

– Куда идет мужик, когда все его явки провалены? – спросил он.

– На явки своих друзей. – «Миллер» в баре Пащенко, оказывается, был гораздо лучше «Миллера» в кафе.

– А если явки друзей провалены одновременно с его явками? – настаивал Вадим. – Вспомни: на Малой ты кислород перекрыл, на Выставочной – тоже. Если бы у Семенихина с Перцем были надежные адреса, им незачем было бы снимать на Выставочной квартиру.

– Ну и к чему ты меня подводишь? Что мои дела даже хуже, чем они есть на самом деле? – Струге слегка разнервничался. – Я и без тебя знаю, что у меня две дороги: либо я веду Перченкова к дереву, под которым он зарыл дело, либо Николаев под аплодисменты Лукина ведет меня в прокуратуру!

– Не горячись. – Полотенце Пащенко изобразило в своем полете параболу и, подчиняясь законам гравитации, шлепнулось на открытую форточку. – Пусть просохнет. А тебе,

Струге, я вот что скажу. Если у мужика перекрыты все каналы для свободного перемещения, он начинает искать спасения у баб! Он сейчас у женщины, Струге. У бывшей или настоящей. Хуже – если у будущей. Профессионал бы сделал именно так – быстренько познакомился с девкой, на связь с которой никто не сможет указать. Но так сделает профессионал. А Перченков профи?

– Не знаю, – нахмурился Струге. – Профи не станет дубасить свидетеля «мокрухи» обрезом по голове.

– Значит, нужно искать у бывших или настоящих.

По ходу разговора Антон стал замечать, что прокурор мало-помалу приводит свой внешний вид в состояние походного. Рубашка, галстук и костюм сменились на спортивную майку, свитер и джинсы.

– Ты куда это собираешься?

– Ты говорил, что наркоманов с Малой выгреб Марков? Так поехали! Думаю, вся братва еще там. Их слишком много, чтобы опера смогли с ними разобраться очень быстро. К ним ко всем нужно подобрать ключик… – Пащенко вынул из шкафа теплую спортивную куртку и прошел в коридор.

– Какой ключик?

– Разводной, Струге. Разводной!

Все активисты партии любителей героина действительно сидели и страдали в дежурном помещении Центрального РОВД. Судя по их сумрачным лицам, было нетрудно дога-

даться, что время кайфа миновало и наступила пора неприятностей в организме. Самое отвратительное еще не случилось, хотя один из компании уже проявлял все признаки жесточайшей ломки. Его лицо было расцарапано.

– Видишь красномордого? – Струге толкнул локтем Пащенко. – Это его я в чувство приводил.

– Чем, наждачкой? – поинтересовался Вадим и шагнул в помещение дежурной части. – Здравствуй, брат Марков! Как жисть мусорская? Только не нужно так бледнеть. Я по личному…

Из всей группы задержанных Струге и прокурор выбрали двоих. Обладателя толстовки с оленем – как человека, уже проявившего себя толковым собеседником, и двадцатилетнюю девчушку со спутанными волосами. Ту самую, что предлагала Струге прилечь рядом.

Поскольку этические соображения в данном случае были неуместны, первым, кто оказался в освобожденном от оперативников кабинете, был красавец с распухшим ухом.

– И где это ты, милок, так сильно ударился? – осведомился Пащенко, кося взгляд в сторону Струге.

«Милок» молча прошел и остановился посередине кабинета. Перед столом стоял стул, но сесть на него означало – сделать вызов. Менее всего хотелось сейчас ему спровоцировать двоих взрослых дядь на превентивные меры. Стоять, однако, тоже было невмоготу.

– Можно я присяду?

– С каких щей? – удивился Пащенко. – Ты что, в мэрии на приеме? Ты, безусловно, присядешь. Но не здесь и не сейчас.

Появившуюся муть в глазах наркомана оба дяди расценили как гнев, перемешанный с безнадегой. Именно в таком состоянии змея жалит человека, а загнанный в угол кролик бросается на удава.

– Ты маску-то такую не надевай, не надо, – посоветовал прокурор. – А то я из тебя упертость враз вышибу. И руки по швам развесь. Убери, говорю, из-за спины. Что ты там придерживаешь, наркуша? Перегной, что ли, лезет?

Наркоман послушно, хотя и с очевидной неохотой, повесил немощные руки вдоль туловища.

– С кем из девок Перец общается? – Ответа Струге пришлось ждать довольно долго. Он встал и сделал шаг навстречу задержанному. – Серу из ушей выбить?

– А я почем знаю, с кем он сейчас общается?! – взвизгнул перепуганный обладатель «оленьего» свитера.

– А ты всех называй, по очереди! – Струге подошел вплотную и говорил ему прямо в лицо. – А мы запишем!

– Да какие ему сейчас девки?! Он уже два месяца, как свой член без рук поднять не может?

– Что так? – опешил Струге, представивший весь масштаб трагедии Перца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.